

Западня для леших

Автор:

Иван Алексеев

Западня для леших

Иван Алексеев

Дружина особого назначения #2

Страшные и непонятные события происходят в правление Ивана Грозного. Истребляются лучшие люди страны, опричники безнаказанно творят невиданные злодеяния. На защиту русского народа от произвола собственного «царя-батюшки» встают бойцы тайной дружины, созданной в далекие времена в поморских лесах по указу великого князя Александра Невского.

Однако нельзя открыто сражаться с опричниной, ведь бунт против только что утвердившейся верховной власти означает крушение государства Российского, бесконечные междоусобицы и смуты. И приходится дружинникам обходить коварные ловушки и смертельные западни, зачастую действуя в одиночку и без оружия против многочисленных врагов.

Иван Алексеев

Западня для леших

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Что было, то и будет, что происходило, то и будет происходить, и ничто не ново под солнцем.

И есть ли хоть что-нибудь, о чем скажут: смотрите, это новое?

Это все уже было в прежние времена, задолго до нас.

Экклезиаст

После короткого дождя ярко светило солнце. В его лучах искрились капли на сочной зелени листьев. Лесная дорога уже не пылила и мягко пружинила под копытами коней. Стояло благодатное лето от сотворения мира 707...-е, как считали на Руси, или 156...-е от рождества Христова по заморскому летоисчислению, откуда недавно вернулся Михась и где пришлось побывать почти всем лешим.

Отряд шел боевым порядком «двойной клин», или, как говорили бойцы, «лодочкой». Уже не первое поколение леших отбивалось «двойным клином» от лесных засад. Со стороны для неопытного глаза такой строй выглядел как беспорядочная толпа растянувших походный порядок всадников, хотя и для опытного глаза он был бы непонятен, поскольку, кроме леших, этим эффективным приемом обороны не владел никто.

В походном строю Михась был головным. Вот уже месяц он носил на рукавах и берете темно-синие косые нашивки головного – первый шаг лешего на пути к званию десятника, а может, и сотника (про воеводу Михась по молодости, в общем-то, и не думал). Плавная рысь коня, солнышко, теплый ветерок и яркие краски леса – что еще надо, чтобы молодой, сильный и здоровый человек улыбался от ощущения полноты жизни? Михась улыбался и одновременно привычно обшаривал взглядом заросли: уж очень удобное место для засады. Собственное продвижение по службе Михася особенно не волновало, хотя два его однокашника и закадычных, с детства, дружка – Разик и Желток уже были десятниками. Михась по этому поводу не переживал. Он знал себе цену и не

сомневался, что скоро тоже выйдет в десятники. Если бы адмирал Дрейк не задержал дольше положенного срока полюбившегося ему лихого лейтенанта морской пехоты, Михась не отстал бы от друзей и был бы, как они, произведен в десятники.

В общем, в отличие от Разика, который с детства твердо был уверен, что сделает блестящую карьеру военачальника высокого ранга, и даже Желтка, который хотя и подшучивал над честолюбием Разика, но сам с удовольствием принял должность десятника, Михась не стремился заработать чины и звания. И сейчас в глубине души он лелеял совсем другую мечту. Михась со страхом и надеждой ждал, какой ответ приготовят ему монахи-летописцы из монастыря, расположенного в их тайном воинском Лесном Стане, в который он пришел сразу по прибытии из Англии и задал тот самый вопрос о своей... Вот оно!

Он скорее почувствовал, чем увидел, как в лесу, по обеим сторонам дороги, что-то изменилось, и прежде, чем раздвинулись ветки кустов и на дорогу выскочили с гиканьем и свистом вооруженные люди, резко осадил коня, отработанным движением выхватил из седельных кобур пистолы. Сухо щелкнули курки, кремни высекли искру. За те два мгновенья, пока сгорает порох на полке, прежде чем воспламенить основной заряд и вытолкнуть пулю, Михась, привычно совмещая стволы с целью, успел разглядеть нападавших. Зверские рожи, всклокоченные бороды, перекошенные в диком крике рты, разнокалиберное оружие и разнообразное одеяние. Так и есть, земляки-разбойнички. Не зря на постоялом дворе, куда Разик завернул отряд, чтобы оценить обстановку, вокруг них, «глупых иноземцев, не кумекающих по-русски», вертелся мужичонка, слишком уж убогонький, с жалким голоском и остренькими глазками, которые жадно зыркали по незнакомой амуниции, седельным сумкам, чудной, но явно добротной зелено-серой одежде.

Пистолы грохнули, клубы дыма на миг заслонили обзор. Сквозь рассеивающийся дым Михась увидел две фигуры, опускающиеся на землю на нелепо подломившихся ногах. «Попал», – уверенно отметил он. Справа и слева уже гремели сдвоенные выстрелы флангов «клина». Сзади ритм был немного другой: выстрел – разворот – выстрел. Как и положено, бойцы по обеим сторонам, отстрелявшись, в следующее мгновение поравнялись с головным, и теперь уже сплошной линией, не обращая внимания на разбойничков, еще по инерции выскакивающих из леса на дорогу, подняв коней в галоп, рванули на тех, кто перекрывал путь впереди. Тот же маневр четко проделал и второй клин, развернутый назад. Коротко лязгнули выхваченные из ножен сабли. Мгновенно

прорубившись сквозь нападавших, две линии всадников резко развернулись. Разбойнички, замыслившие окружить проезжих, теперь толпились растерянно на дороге, зажатые между двумя половинками клина. Внезапность в бою – две трети успеха.

Уже изрядно пострелянные и порубленные разбойнички были явно не знакомы с тактикой «двойного клина». Впрочем, и слово «тактика» наверняка было им неведомо, ибо в большинстве своем земляки-россияне не обременены знанием иноземных наречий. Что ж, военная тайна должна таковой и остаться. Суровые законы Лесного Стана, введенные святым князем Александром Невским, выполняются свято. Смертельный клин неумолимо смыкался под беспощадный свист клинков. Опомнившись, немногие оставшиеся в живых разбойники метнулись в лес. Одним плавным движеньем соскакивая с коней, вдогонку им, мягко скользя в высокой траве, уже летели бойцы. «Уйти в лесу от леших – это навряд ли», – жестко усмехнулся Михась. Он спешился, мельком взглянул на заканчивающуюся погоню с предрешенным исходом и повернулся лицом к дороге, преграждая путь тем, кто, возможно, чудом выскочит из клина.

Плотное кольцо всадников почти сомкнулось в своем смертельном движении, когда из свалки, проскользнув под ногами коней, вырвался здоровенный оскаленный детина с зажатым в могучей ручище обыкновенным мужицким топором. Дико озираясь, он ринулся в лес, в сторону Михася. «Головной! Возьми живым!» – послышалась с дороги команда Разика (он крикнул почему-то по-английски). Это была первая команда за все время боя, в котором лешие действовали молча и слаженно, как пальцы на руке. «Хочет знать: случайный это налет обычных разбойников или нас так встречают», – мысленно одобрил десятника Михась и тоже на английском ответил: «Йес, сэр!»

Он воткнул клинок в землю, привычно принял стойку для боя без оружия, слегка смещаясь наперерез детине. Противник был, несомненно, силен и мчался с отчаянной решимостью. «Это все ерунда!» – усмехнулся Михась. Бегущий заряжен на одно движение, его положить умеющему человеку – пара пустяков. С разбегу и упадет больнее. Нет, не дурак, остановился. Топор держит цепко: порхает в руке, как птаха, крест-накрест, вверх-вниз. Ну что ж, это даже интересно! Михась обманным движением качнулся вправо и сразу же ушел на разворот, плечи – вниз, нога – вверх. Уже выкручивая тело на удар, он почувствовал ветерок от топора, прошелестевшего через то место, где мгновение назад была его голова. «Молодец разбойничек! Чуть было не убил лешака!» Но чуть-чуть не считается. Каблук сапога уже летел детине в висок, но

в последний миг Михась подавил отработанный годами инстинкт и чуть сильнее вытянул ногу, отгибая стопу. Пяткой по затылку – тоже хорошо, но не смертельно. Дитина упал на землю, даже не успев удивиться: только что рубил супостата, а вместо него – пустота и удар по голове.

Прав был святой князь: собирать, приумножать и лелеять боевые искусства всех народов! Когда в великой тайне, в глухих поморских лесах создавался закрытый город – воинский Лесной Стан, зачаток будущей борьбы русичей с ордынцами, он не только отгородился от внешнего мира засеками и заставами на глухих лесных дорогах, не только вобрал в себя все, что было лучшего в окрестных русских землях, уже захваченных или осажденных: крепких отроков (будущих воинов-леших), искусных оружейников и землепашцев, богословов, ведавших науки, но и отправил посланцев-разведчиков в долгий путь с неведомым концом. На запад и на восток ушли из Лагеря скромные, невысокие монахи в ветхих рясах, с потупленным взором. Они брели к «святым местам» через земли ханов («ханы» – так коротко и зло звали лешие главных своих врагов – ордынцев) на запад и на восток. Их пропускали, в общем-то, свободно: еще Чингисхан повелел своему воинству не обижать без надобности священников покоренных народов. Дошли не все. Кому повезло, тех приняли в монастырях, буддийских или католических, где собирались тогда воедино культура, знания, ремесла и политика, как посланцев русского князя, копящего силы для борьбы с бичом всех народов – ордой. Не из любви к русичам, но из страха и ненависти перед ордынцами, передавались «паломникам» секреты боевого искусства, тайны оружейных мастеров... Вернулись единицы. Но выполнен был завет святого князя: собралось в дружине Лесного Стана боевое искусство Запада и Востока и шлифовалось лешими в боях и походах, передавалось из поколения в поколение.

Когда искусный удар свалил разбойника на землю, Михась снял с потерявшего сознание дитины сыромятный кожаный пояс, закинул его правую руку за спину, сноровисто и надежно привязал к согнутой левой ноге. «Отдыхай, соколик!» Скоротечный бой уже затих. Лешие выстроились на дороге, оставив позади себя лишь неподвижные тела незадачливых налетчиков. В отряде потерь вроде не наблюдалось. «Больше полусотни положили», – прикинул Михась, усмехнувшись гордо и зло: лежавшие сейчас в кустах, в траве и на дороге хотели его убить и ограбить, бросить вот так же посреди веселого летнего леса. Он сделал то, к чему готовился с детства, не давая ни дня отдыха своему телу: победил, вот уже в который раз. Даст Бог, не в последний! Ведь он обещал Джоане, что вернется к ней во что бы то ни стало и сообщит, глядя в глаза, либо радостную, либо горестную весть. А Михась привык твердо держать свое слово. И горе тем, кто встанет на его пути.

От строя к Михасю шел спешившийся Разик, десятник его первого десятка, бывший сейчас начальником над всем отрядом. Рядом с ним шагал Желток – десятник второго десятка, составлявшего отряд. Допрос – дело важное и непростое. Уже по тому, что Разик командовал по-английски и выбрал в пленные самого сильного и злого врага, Михась примерно представил, как будут допрашивать повязанного им детину. Он чуть приподнял пленного, привалил к дереву. Тот, уже очнувшись, заворочался, попытался дернуться, но не смог. Яростным, ненавидящим взглядом уставился на Михася и подходивших десятников.

– Сэр, ваш приказ выполнен, злодей связан! – по-английски доложил Михась, вытянувшись и прикладывая раскрытую ладонь к берету. Этот жест, которым адмирал Дрейк приветствовал на борту своего корабля королеву Елизавету (как бы закрывая ладонью глаза, ослепленные ее красотой), в последнее время стал очень модным в Европе среди военных, и Михась – лейтенант флагманской морской пехоты адмирала Дрейка – тоже привык к нему.

– Хорошо, Майкл, – ответил Разик. – Мне представляется, что это главарь разбойников. Пощекочи его саблей и послушаем, как он отреагирует.

Черненный дамасский клинок выпорхнул из ножен и, описав замысловатую петлю, свистнул перед самым лицом детины, косо рассек ему кафтан на груди. Из неглубокого длинного пореза сразу засочилась кровь.

– Сволочь иноземная! Нехристи проклятые! Немецкую вашу мать-перемать! – У детины изо рта хлестала пена, он бился всем телом, пытался порвать ремень, встать, вцепиться в противников зубами. Перед смертью он не молил о пощаде, не ползал на коленях перед победителями, а в приступе бессильной ярости кричал все, что о них думает. Именно поэтому в плен был взят сильный, лихой противник. Лешим важно было знать, что именно знают о них нападавшие.

– Что ты, соколик? – вдруг на чистом русском языке ласково ответил Разик (детина обалдело заткнулся на полуслове). – Какие же мы нехристи! Мы агнцы Божие, по земле прохожие! – И тут же резко, зло, не давая опомниться, схватил его за воротник, бешено уставился в глаза. – Кто тебя на нас послал, гад? Сколько за смерть друзей моих обещано?! Отвечать!! Быстро!!!

Детина лишь тряс головой и хлопал глазами.

– Ей-богу, не знал, что наши... То есть... это ж... – растерянно выдавил он. Разик отпустил его, тот плюхнулся на траву.

– Ну, так кто послал, что сулил? Отвечай, если люто мучиться не хочешь! – на всякий случай еще раз грозно спросил Разик.

Хотя и так уже было все ясно: детина не знал, кто такие лешие, принимал их за каких-нибудь немцев-купцов.

– Кто ж меня пошлет, – с угрюмой обреченностью сказал он. – Я сам атаман.

И, отвернувшись, с тоской посмотрел в сторону дороги, где лежали его мертвые товарищи.

– Михась! – Разик сделал короткий красноречивый жест и направился с Желтком к дороге. Михась шагнул к пленному. Детина перевел глаза на леших, все понял и криво усмехнулся.

– Слышь, земляк, – неожиданно твердым, заинтересованным голосом попросил он Михася. – Расскажи-ка мне перед смертью, как вы нас так ловко окружили-то? Разболтал, что ли, кто о засаде? И не могу взять в толк: как ты меня повалил? До смерти интересно! – снова горько усмехнулся он.

Михась застыл. Разик с Желтком тоже резко остановились, повернулись, подошли.

– Какой же ты, к черту, атаман, если так и не понял, как твою ватагу разметали? – задумчиво сказал Разик.

– Ну, не успел, не понял! Жалко тебе, что ли?! Интересно ж, как и из-за чего под смерть попал! – зло ответил атаман.

Лешие переглянулись.

– Развяжи! – скомандовал Разик.

Михась с неожиданным для самого себя радостным облегчением поддел кончиком сабли ремень, резким движением рассек. Детина в который раз удивленно уставился на леших, приподнялся на локтях, подобрал ноги.

– Эй, вы чего?! – спросил он неожиданно осипшим голосом.

– Да не хотим, чтобы ты дураком помер! – ответил Разик. – Катись отсюда! – Потом добавил уже резко и сурово: – Запомни вот это и другим душегубам расскажи, чтобы за версту обходили! – он указал на свой правый рукав, где в нашитом на плече черном бархатном круге скалила пасть желтая лесная рысь.

Детина перевел глаза на Михася, на Желтка, увидел на рукавах такие же нашивки, медленно поднялся, но тут же опустился на траву, отвернулся, прижался лбом к стволу молодой березки. Когда он поднял голову, лешие уже шли к своим.

Не дойдя до строя, Разик остановился, повернулся к Михасю и Желтку:

– Братцы-лешие, я, конечно, начальник и все решаю сам, но давайте, как на ученье: десятник ранен, ваши действия?

Улыбчивое, веснушчатое лицо Желтка стало серьезным.

– Он ничего не понял про «клин», значит, не опасен. Ну, а рассказ атамана о том, что в один миг положили его ватагу, – тут он, конечно, еще и приврет изрядно, – нам полезен. Думаю, что случайных налетов в окрестных лесах на нас больше не будет!

Михась молча кивнул: он думал так же, как Желток.

– Понятно, – усмехнулся Разик. – Коль одной кашей вместе вскормлены, то и мыслим, стало быть, одинаково. Ладно, проехали, однокашники. – И привычно скомандовал: – Отря-я-я-д! По коням!

Они дружили с самого детства, сколько себя помнили. Вместе были зачислены в малышовый отряд, вместе осваивали азы воинской подготовки и отвлеченных наук. Все трое выделялись тем, что жадно впитывали знания, упражнялись с

заката до рассвета не за страх, а за совесть. С ранних лет всем окружающим было ясно, что юные дружинники станут выдающимися бойцами, о которых будут слагать легенды в тайном воинском Лесном Стане. Впрочем, устные рассказы о трех друзьях уже ходили по Стану, ибо их энергия была через край, им мало было учебы и упражнений, и они, весьма склонные к веселым проделкам и шуткам, зачастую вытворяли нечто, вызывающее формальное осуждение старших (не положено!), но затем сами строгие начальники, давась от смеха, пересказывали родным и близким истории о проделках Михася, Разика и Желтка. В общем, были они, как напишет позднее советский классик, «огонь-ребята, и все отличники». Троица настолько тесно слилась в представлении окружающих, что их часто путали, обращаясь к Михасю «Разик» или к Разику «Желток», хотя друзья были внешне совсем непохожи друг на друга. Михась был среднего роста, крепкого, но не могучего телосложения, волосы русые, глаза – голубые. Разик был также среднего роста, но более худощавый, имел темные волосы и карие глаза. Желток был выше всех, рыжий и веснушчатый. Да и по характеру друзья различались весьма существенно. Михась был прямолинейный, с завышенной требовательностью к себе и к людям. Один из его основополагающих жизненных принципов полностью соответствовал незыблемой воинской мудрости: «Не знаешь, как поступать, – поступай по уставу». В этой прямолинейности была его сила и привлекательность: Михась был очень открытым и очень предсказуемым. Для Разика, не менее талантливого и усердного в учебе, устав был не догмой, а руководством к действию. Для него взаимоотношения между людьми были более многогранными и многоплановыми. Разик был, что называется, политик. Если Михася можно было сравнить с мечом, прямым, тяжелым и надежным, то Разика – со шпагой, гибкое лезвие которой таит не меньше, а иногда и больше опасности для врага. Желток, от природы ироничный и даже ехидный, был, что называется, себе на уме. Он не столько заботился о карьере, сколько об удобстве собственного бытия во всем и всегда. Желток любил комфорт, и даже в походе, ночуя в лесу, в холод или дождь, он устраивал себя и друзей, а теперь – и бойцов своего десятка, так уютно и изобретательно, что окружающие только диву давались.

Конечно, в данный момент друзьям было не до шуток и прибауток. Более того, во время похода они почти не общались между собой. Разик командовал всем отрядом, высчитывал расстояние и темп переходов, определял места привалов, следил за рационом питания. Желток со своим десятком составлял арьергард и прикрывал тыл, ну а Михась шел в авангарде походной колонны и первым должен был встречать и предотвращать любую опасность, возникшую на пути отряда. Они физически не могли даже на короткое время собраться вместе и поговорить по душам, как они привыкли, пошутить над происходящим и над

самими собой, чтобы дать разрядку постоянному напряжению и хоть на несколько минут снять тяжелый груз ответственности за порученное задание и за жизни находящихся под их командой бойцов. Привыкшие всегда быть вместе, они остро ощущали необходимость этих нескольких минут общения, тем более что у них был предмет для неспешного и задушевного обсуждения, не имеющий никакого отношения к службе. Конечно, во время выполнения боевой задачи их мысли были заняты вещами конкретными и насущными, но в глубине души у каждого теплилось то чувство, которое не выразить никакими словами, но кратко можно обозначить одним-единственным словом: любовь. Но время для дружеской задушевной беседы еще не настало, и никому не известно было, настанет ли оно вообще.

Густой бор скоро закончился. Дорога петляла по невысоким холмикам, покрытым яркой зеленой травой, по березовым рощицам, радостно белевшим под лучами летнего солнца. Отряд приближался к цели своего похода – стольному городу Государства Российского, матушке-Москве. По составленному заранее дорожному распорядку последнюю остановку сделали верст за сорок до стольного града, в примостившемся на окраине невеликой деревушки обширном постоялом дворе. Лешие могли бы прекрасно отдохнуть и где-нибудь на полянке – там и не в пример чище, и просторней, но Разик получил четкое задание: оценивать обстановку в городах и весях по пути следования.

Они сидели в большом сарае с дырявой соломенной крышей и земляным полом, за длинным столом из неструганых досок, впрочем, уже изрядно отполированных локтями, а возможно – и мордами посетителей. Малый в грязной серой дерюжной рубахе навывпуск и таких же портках принес им три жбана с каким-то мутным пойлом и дюжину берестяных кружек. За соседними столами шумели несколько ватаг то ли купцов, то ли небедных крестьян, промышлявших извозом. Со двора доносилось конское ржание, веселые или раздраженные голоса, скрип телег, звон упряжи, глухие шлепки кулей с поклажей.

Внезапно на дворе все затихло, словно вымерло. В наступившей тишине раздался приближающийся топот копыт. Зазвенела амуниция на спешивающихся всадниках. Скрипучая дощатая дверь резко распахнулась, и в сарай, уверенно стуча крепкими каблуками, гурьбой ввалились молодцы в черных кафтанах и колпаках, похожих цветом и покроем на монашеские, но сшитых из дорогущего бархата, с серебряными позументами. Именно ввалились

гурьбой, а не вошли боевым порядком, – мгновенно оценил Михась. Вошли и встали, по-хозяйски подбоченясь.

«Если бы засада – завалили бы вас, соколиков, и пикнуть не успели», – усмехнулся про себя Михась. Бойцы, когда в дозоре (а эти, по всему видно, – на службе), так не входят. С юных лет наработан инстинкт: вошел – и в сторону, жди нападения, задние страхуют передних, разлетаются по углам, «держат» все помещение. «Фуфло!» – мысленно сплюнул леший. И он, и его товарищи, с виду расслабленные и спокойные, внутри подобны натянутой тетиве. Чуть что – один уйдет мягким перекатом в сторону, обнажая ствол или клинок, другой взвьется над полом в отточенном смертельном прыжке. «Кто же это такие гордые? – подумал Михась и тут же догадался, вспомнил предходные наставления и новое, непривычное слово «опричники!».

Вошедший первым русоволосый красавчик надменно обводил взглядом сарай, опираясь рукой с зажатой в ней шелковой плеточкой на отставленное далеко вбок бедро. «Как распутница из портового кабака в славном городе Портсмуте», – почему-то подумал Михась. Сурово насупив красивые брови, удивительно темные для белокурых волос (крашенные, что ли?), красавчик уставился наконец на леших, скромно потупивших взоры в кружки с подозрительной бурдой, которую они, естественно, пить не собирались.

– Кто такие?! – Голос у красавчика был грозный, привыкший повелевать, и одновременно почему-то слегка капризный.

Разик поднялся. Изображать немцев-иностранцев, не понимающих по-русски и потому как бы немых, не было смысла.

– По приказу боярина Ропши в государеву службу, – десятник отвечал почтительно, но с достоинством.

– А!.. Помню, помню! Этот боярин нам не вредный. – Красавчик и его дружки весело заржали. – А что ж лица-то бритые и одежда басурманская? – после небольшой заминки все-таки спросил он.

– Так ведь мы – природной вотчины боярина Ропши людишки, то бишь северские купцы-поморы, мореходы. Со Свейскими землями торгуем, вот и приходится, – пожав плечами, ответил Разик. И, чтобы не вдаваться в

дальнейшие подробности, добавил, как бы жалуясь и одновременно докладывая: – На нас тут по дороге разбойники напали, верст пять отсель.

– А, так это вас... То есть это вы их. – Красавчик насупил темные брови. – Знаю, уже доложили. А как же это вы? Там ведь четыре дюжины положили!

Разик небрежно махнул рукой:

– Так ведь мужики, лапотники. Небось, с голодухи в первый раз за топорики взялись. Коли были б такие молодцы, как вы, – ну, тут какой разговор!

«Молодец Разик, – мысленно одобрил друга Михась. – Оценивает белобрысого!»

Грубая лесть – хорошая проверка собеседника. Умный человек или прервет резко, или взглянет понимающе, усмехнется. Дурак расцветет.

Опричник расцвел.

– Ну, ладно, поморы-молодцы, – милостиво промолвил (не сказал, а именно промолвил) он. – Коли вы в столицу, да еще к боярину Ропше, – опричники опять заржали, – так и быть, проводим вас, чтобы уже настоящие соколки не обидели невзначай!

– Исполать тебе, добрый молодец! – восторженно пропел Разик. Лешие все, как по команде, уткнулись в кружки, чтобы опричники не видели их лиц. – Седлайте, ребятушки, в Москве догуляем!

И снова плавная рысь коней, глухой перебор копыт по непыльной после дождя дороге. Только на сей раз лешие шли не клином, а отдельными парами, подстраховывая друг друга, поскольку среди них без всякого порядка двигались «охраняющие» опричники. Смех опричников в кабаке над боярином Ропшей, вотчиной которого считались поморские леса, где располагался Лесной Стан (о котором никто из посторонних не подозревал) и чьими слугами представлялись лешие, был, в общем-то, понятен. Ропша, сам старый лешак, изображал из себя слегка тронутого умом небогатого боярина, не влезавшего ни в какие государственные или придворные дела. Его «дворовые люди» и «жильцы», то

есть дружинники-лешие, когда участвовали в общих походах, держались особняком. Они всегда вставали на краю войскового стана, окружая себя кольцом палаток и часовых. В своей неприметной зелено-серой одежде они не бросались в глаза, а при общении с другими ратниками не стремились поддержать знакомство или разговор. Если им задавали вопросы, лешие обычно улыбались, хлопали глазами и отвечивали невнятно, в исконно русской манере: каво? чаво? ась? тем самым укрепляя общее мнение о чудаковатости и безобидности боярина Ропши и присных его.

Собственно, в стане как таковом или в походных колоннах лешие пребывали достаточно мало: они вели постоянную разведку, делали вылазки, захватывали пленных. Однако эта их деятельность в последнее время приносила мало пользы. Хорошая разведка нужна хорошему воеводе, а таковых почти что не было. Вот уже около ста лет Русь вела достаточно странные войны, в которых, за редким исключением, практически отсутствовали боевые действия. Ордынцы с юга и востока или ливонцы с запада неожиданно налетали на русские земли, грабили, убивали, захватывали в полон и уходили восвояси, не дожидаясь, пока соберется с бору по сосенке боярское ополчение. Ополчение в свою очередь вступало во вражеские земли, поджигало, грабило, захватывало в полон и возвращалось, не встретив сопротивления и не понеся потерь. Иногда, к изумлению полководцев, два войска все-таки встречались и долго стояли лицом к лицу, не решаясь на боевое столкновение (а зачем?!). Случалось, что, простояв день друг против друга, ночью оба войска, не сговариваясь, доблестно улепетывали в разные стороны.

В ту пору на Руси образовался на некоторое время заколдованный круг под названием «покорение Казани». Войско под руководством незабвенного воеводы князя Бельского подступало под стены вышеупомянутого града. Казанцы затворялись, для виду стреляли из луков, огнестрельного снаряда, лили кипящую смолу и кричали обидные слова. Россияне отвечали аналогично, за исключением смолы, которая, как известно, не течет снизу вверх. Накричавшись и настрелявшись, выждав для приличия некоторое время, казанцы ночью засылали послов. Князь Бельский, угнетаемый неблагоприятными обстоятельствами (дождь, снег, ветер, град, хлад, глад и т. д.), уводил войско в Москву, где садился в острог, обвиняемый недоброжелателями в получении взяток от противника. Через некоторое время его выпускали (сразу делиться надо!), и вскоре все повторялось по новой.

Понятно, что лешие не приучены были играть в такие игры. Руководители Лесного Стана пребывали в растерянности, которую, впрочем, тщательно и успешно скрывали. Впервые за всю трехсотлетнюю историю тайная лесная дружина леших не имела ясной цели. С началом царствования Иоанна Васильевича лешие воспрянули было духом. Во время налета Саип-Гирея (1538), когда русское войско впервые за многие годы слаженно и быстро выступило на перехват, бойцы тайной дружины Лесного Стана вели глубокую разведку, находясь в непрерывном соприкосновении с противником, обеспечивая своевременный маневр основных сил. Когда струсивший хан повернул орды с московской дороги с целью пограбить маленькие городки, начиная с Пронска, лешие сумели прорваться в город и вместе с тамошним лихим воеводой неделю отводили душу, громя с невысоких стен огромное войско и огнестрельным снарядами, и в рукопашных схватках. Потрепанные ордынцы бежали с позором. Потом было взятие Казани, сомнительное с точки зрения военного искусства, но победоносное для Руси и славное для многих ратников и воевод. Потом были удары по Ливонскому ордену, а потом – лучше не вспоминать...

Даже далекие от политики рядовые бойцы и десятники, занятые постоянными упражнениями, походами и заморщиной, чувствовали, что на Руси происходит что-то темное и страшное. В диком слепом безрассудстве истреблялись лучшие роды. Ордынцы и ливонцы вместе взятые не нанесли такого урона России за сто лет, как собственный батюшка-царь за два-три года. И вот сейчас головной отряд леших в боевом порядке двигался не к границам, а к сердцу страны. Хотя ни командовавший отрядом Разик, ни другие бойцы не знали, с какой целью им приказано идти ускоренным маршем к боярину Ропше «для государевой службы», задача на поход была поставлена суровая: вести тщательную разведку в полной боевой готовности. В случае враждебных действий – пробиваться к цели кратчайшим путем, по проезжим дорогам, уничтожая нападавших, кем бы они ни были. При подавляющем превосходстве неприятеля – раствориться в лесах и вернуться назад, где на расстоянии дневного перехода двигались основные силы: три сотни леших.

Пока головной отряд продолжал идти к цели, причем без потерь. Недавнее нападение было случайным. Сопровождавшие их сейчас самоуверенные лопухи мало походили на коварного противника, ведущего отряд в засаду. Но на всякий случай, в начале движения, Разик подал условный сигнал: «Всем внимание!»

Михась двигался во втором ряду справа и страховал Разика, рысившего впереди, бок о бок с красавчиком. Красавчик, изящно выгибаясь в седле, снисходительно

беседовал с десятником.

– Часто ли бываете в Европах, поморы-молодцы?

– Дык, это, оно чего ж! – глубокомысленно отвечивал Разик.

– Они там у себя гордятся просвещенностью нравов, а про нас сочиняют всяческие небылицы. Мол, на Руси мрак, ужас, опричнина. Дескать, государь всемилостивейший верноподданных своих казнит неправдою! Так ведь кругом разбой, воровство, и только мы, убогие и сирые, холопы верные царя-батюшки, денно и ночью печемся о порядке государственном! – Красавчик помнил слова Басманова-старшего и в силу своего разума начал, как ему казалось, делать дело государственной важности, ради которого и решено было призвать отряд часто ходивших за море людей боярина Ропши в Москву.

Любимцы царя, отец и сын Басмановы, вопреки утверждениям их завистников и недоброжелателей, были отнюдь не дураки в государственных делах. К тому же они имели полный набор качеств, необходимых для успеха на политическом поприще: хитрость, подлость, коварство и бессовестность. По-собачьи преданные государю и благодетелю Ивану Васильевичу, Басмановы деятельно заботились не только о его увеселении в диких оргиях, о которых и в столице и отдаленных городах боялись говорить даже шепотом – настолько жутко и стыдно было в это поверить, но и об успешности дел административных, экономических и особенно – внешнеполитических. После смерти царицы Анастасии рухнула последняя преграда, сдерживавшая необузданный и страшный нрав самодержца всея Руси. Припадки дикой ярости и нечеловеческой жестокости сменялись у него приступами раскаяния и животного страха перед грядущим возмездием, Божьим и человеческим. В эти моменты он всерьез готовился бежать из России в заморские страны, просить приюта и покровительства у тамошних государей – частая практика в неверном ремесле монарха и в те времена, и в более ранние, и в позднейшие. Он втайне надеялся, что в Европе еще не знают о темных ужасах, творящихся на Руси.

Особую странную тягу испытывал Иван Васильевич к Елизавете Английской. Он, в общем-то, презирал женщин, на короткий период страстно вожделея их, затем ненавидя и уничтожая своих злополучных избранниц. Временами его затуманенный чудовищными страстями взор обращался на мужчин (так попал в

любимцы Басманов-младший заодно со своим достойнейшим родителем). Елизавета была, пожалуй, единственной женщиной, которую он считал себе равней. Царь даже всерьез подумывал жениться на ней, объединив державы, сметая разделяющие Англию и Россию государства или создав союз христианских стран по примеру недавней Римской империи, направленный против магометан. Именно Елизавете царь направлял слезные письма о своей тяжелой участи на российском престоле, у нее хотел укрыться от внутренних врагов, якобы замышлявших погубить его самого и весь род Рюриковичей. Но даже в отношениях с Елизаветой проявлялось это удивлявшее и современников, и потомков сочетание в одном человеке невменяемого психопата и нормального расчетливого властителя. Униженно вымаливая в письмах ее дружбу и участие, царь вместе с тем твердо отказывался дать английским купцам монопольное право на торговлю с Россией, чего настойчиво добивалась Елизавета. Одно дело – истреблять тысячами бессловесных подданных, каковых на Руси неисчислимо, и совсем другое – потерять конкретный доход в личную казну. Тут у всех, казалось бы, сумасшедших тиранов враз появлялся здравый смысл, и они никогда не проносили ложку мимо рта.

Понятно, что собственная репутация в глазах европейских монархов и в первую очередь – Елизаветы весьма заботила Грозного. Русским послам под страхом смерти, жестокой и незамедлительной, было запрещено даже упоминать об опричнине. На прямые вопросы они должны были отвечать, что никаких опричников нет, а есть царевы слуги усердные, которые воют не щадя живота не с земством (то есть всем остальным русским народом), а с ворами и разбойниками, защищая от них царя и верноподданных его. К сожалению, в искренность послов верят лишь в одном случае: если они просят денежной или военной помощи. Все остальные заявления либо игнорируются, либо понимаются с точностью до наоборот.

Вот и созрела у верных Басмановых плодотворная мысль: внедрить в сознание недоверчивых европейцев приятную для царского самолюбия идею о верных слугах и подлых разбойниках, внедрить не по официальным каналам, а через простых русских людей, бывающих по своим частным делам за границей. Беда только, что людишек таких на Руси практически-то и не было. Разве что в диких поморских вотчинах боярина Ропши копошились какие-то мореходы, бывающие с торговлей в заморских странах. Барышей эта торговля не приносила, так как заморские купцы дружно обижали потенциальных конкурентов и в цене, и в пошлинах. (Леших такое положение весьма устраивало: барыши их не интересовали, а большие доходы привлекли бы ненужное внимание. В сугубо секретном отделении Большого Совета, о существовании которого в Лесном

Стане знали немногие, эта липовая торговля обозначалась рабочим термином «легенда прикрытия».) Итак, на семейном совете Басмановых было решено для внедрения в Европе правильных представлений о царе использовать на безрыбье горе-купцов Ропши.

Но не вызовешь же их в Москву просто для выдачи ценных указаний! Во-первых, потомственные придурки все перепутают. Во-вторых, их косноязычным, с грехом пополам заученным объяснениям никто и не поверит. Поэтому мудро решили призвать сих людишек в качестве боярского ополчения на год в столицу для борьбы с разбойниками, коих на Руси действительно было немерено, а затем отпустить восвояси. Пусть после этого рассказывают все как есть: что, дескать, для царя все усердные слуги равны, и все верноподданные дружно борются с внутренним супостатом – ворами и душегубами, мешающими процветанию Государства Российского.

Чудаковатый Ропша был в кои-то веки вызван во дворец, где ему и объявили царев указ. Конечно, лешие нашли бы возможность отвертеться, но почти одновременно с письмом от отца-боярина о царском указе, поступившем в Большой Совет, игумену лесного Всесвятского монастыря, расположенного в Лесном Стане, было передано из Москвы послание от митрополита Филиппа. Об этом послании, в отличие от царского указа, знали только члены Совета. Вскоре последовала команда на поход. В головном дозоре вышли в полном боевом снаряжении лучшие десятки Разика и Желтка, за ними через сутки двинулись главные силы.

Впрочем, даже Разик не знал состава и численности шедшего за ним войска леших. Разик невнятно отвечал красавчику, автоматически прикидывая возможные варианты действий на случай неприятностей. Вариантов было два: либо опричники, перемешавшиеся с его бойцами, внезапно нападут на них, либо они сделают это при встрече с отрядом усиления, находящимся в засаде. Второй вариант был более вероятным. Но здесь на стороне леших имелось существенное преимущество. В любом случае, начало боя будет состоять из индивидуальных схваток, а лешие всю жизнь специально готовились к действию в одиночку против численно превосходящего противника. И почти во всех сшибках этот самый противник бывал весьма поражен, причем в самом прямом смысле. Во-вторых, у опричников не было огнестрельного оружия, а если оно и окажется у предполагаемого отряда усиления, то это наверняка будут громоздкие пищали с фитилями, от которых мало проку в скоротечном ближнем бою. У леших же в седельных кобурах лежали новейшие – последнее слово

ружейной техники! – пистолы с кремневыми замками, короткие и легкие, из которых они в два счета полагат не один десяток супостатов. Перемешавшиеся с бойцами опричники скорее послужат помехой для предполагаемой засады, лешие используют их в качестве прикрытия при стрельбе, а затем легко прорубятся сквозь строй...

Михась, как и другие бойцы, тоже оценил ситуацию как тактически благоприятную и, позволив себе самую малость расслабиться, с любопытством всматривался в панораму приближающегося города. Михась повидал и европейские столицы, и индейские поселения, и вряд ли испытал бы волнение при виде очередного скопища зданий и сооружений. Но в Москве, блистающей сотнями больших и малых церковных куполов, в избах и теремах, разбросанных среди зелени садов, в строгой величавости Кремля было что-то настолько родное, русское, органически сочетающееся с окружающим пейзажем, что у него невольно защемило сердце и на душе стало радостно и легко.

– Ну вот и прибыли! Вам – туда, – красавчик указал нагайкой на синюю крышу дома Ропши, видневшуюся среди деревьев обширной усадьбы, окруженной невысоким частоколом.

– Спасибо, благодетель! – подобострастно ответил Разик, и отряды разъехались. Опричники, заняв всю ширину дороги, которая переходила в улицу, вмиг обезлюдившую, направились к Кремлю. Лешие, сомкнув ряды, широкой рысью без особой опаски двинулись к конечному пункту своего похода: Разик уже разглядел над домом условный сигнал, означающий, что все в порядке.

Распахнулись неказистые, но крепкие ворота, отворенные двумя немощными на вид дедами, каждый из которых мог положить голыми руками пару лихих молодцов. Головной дозор, выпрямившись в седлах, вступил на небольшую, но важную территорию Лесного Стана, отделенную от своих сотнями верст. Легко соскочив с седла так, что при этом не звякнула многочисленная амуниция и оружие, Разик пружинисто взбежал на высокое крыльцо, где в вычурно-неудобной высокой бобровой шапке и длинной шубе, величаво, как и подобает владельцу земель и душ, стоял отец-боярин Ропша, на всякий случай не выходя из роли даже здесь, в своей усадьбе. Разик лихим новомодным жестом вскинул руку к берету, отрапортовал о прибытии. Боярин кивнул, пригласил за собою в терем, жестом руки приказав прибывшему отряду спешиваться и располагаться. Уже там, в палатах, старый лешак обнял Разика, назвав, как это было принято

между старшими и младшими, сыном. Затем, усадив прибывшего на широкую дубовую скамью, покрытую потертым бархатом, коротко потребовал:

– Докладывай.

– Маршрут чистый. Одно случайное нападение. Без потерь, – доложил Разик.

– Хорошо. Сейчас я отправлю гонца к основному отряду. Отправлю явно, чтобы видели, коль следят. Твои пусть до ночи отдохнут, а ночью пойдут в караул и секреты. Если и будет нападение, то именно ночью, чтобы устроить в усадьбе ловушку для главных сил. На этот случай, как стемнеет, подготовь тайных гонцов. Мои люди покажут им скрытый выход из усадьбы.

– Есть! Разрешి выполнять? – Разик поднялся.

– Погоди, сынок, успеешь. Пока бойцов устроят, расскажи, как там Лесной Стан, – с едва уловимой тоской в голосе попросил Ропша.

Разик сел и, как далекому родственнику, принялся рассказывать старому лешему о Лесном Стане, о друзьях-товарищах, детях и внуках...

Михась, проконтролировав, как бойцы расседлали коней и отвели их в обширные конюшни, рассчитанные на несколько сотен голов, и устроились сами в сарае-блокгаузе за теремом, присел на крылечко, все еще оставаясь, как и положено головному, в полной амуниции и вооружении, ожидая дальнейших приказаний командира отряда, беседовавшего в палатах с боярином. К нему не спеша подошел один из дедов, открывавших ворота, с достоинством опустился на нагретые солнцем, гладко струганные доски ступеней, оперся спиной о резной столбик перил.

– Здорово, батя! – почтительно, но с едва уловимой ноткой превосходства действующего бойца над ветераном поприветствовал его Михась.

– Здорово, боец! – в тон ему, чуть насмешливо ответил дедок. – Как служба?

– Как положено: по уставу и без происшествий!

– Сдается мне, что у вас в снаряжении некие новшества имеются? – заинтересованно произнес дедок после короткой паузы. Он явно имел право задавать подобные вопросы. Да оно и понятно: на такое место и в таком возрасте направлялись только очень опытные и заслуженные лешаки.

– Это, отец, пистолы – малые ручные пищали, из которых можно стрелять с одной руки, без подпорки и фитиля, – без обиняков ответил Михась.

– Это при седлах, – уточнил дед. – А в поясных сумках?

– Гранаты – ручные бомбы с особым запалом, – коротко ответил Михась.

– Значит, за Забором не оскудела расейская смекалка, – с удовлетворением произнес старый лешак.

Михась утвердительно кивнул.

«За Забором» – это выражение было понятно каждому лешему. Внутри закрытого от внешнего мира дремучими лесами, засеками и засадами Лесного Стана, в который лишь весной, во время разлива рек, могли проходить по запутаннейшему фарватеру небольшие суда с грузом, был особенный участок, обнесенный высоким двойным частоколом, куда имели доступ лишь несколько десятков избранных и сотня-другая умельцев-мастеров. Из-за Забора постоянно раздавался стук кузнечных молотов, время от времени поднимались клубы дыма, слышался скрип водяного колеса на протекавшей там речушке и другие звуки, источники которых было трудно определить. Там создавалось оружие леших. Туда, за Забор, местным умельцам поступали все новинки в вооружении и снаряжении, привозимые лешими из заморщины. Там протекала своя жизнь, интересная и таинственная, в которую довелось заглянуть и Михасю, чем он ужасно гордился и о чем никому не рассказывал по понятным причинам.

Кремневые ружья, а затем и пистолы появились в Европе буквально год назад и еще не получили широкого распространения из-за трудностей изготовления, частых осечек и просто инерции мышления военных, привыкших к старым добрым фитилям на пищалях. Находившиеся в заморщине лешие сразу оценили перспективы нового оружия, фактически всегда готового к бою, что является важнейшим преимуществом при неожиданном столкновении и при ночных

действиях. Тлеющий фитиль ночью не позволял скрытно приблизиться к противнику, действовать приходилось только холодным оружием. В Лагерь, за Забор, стали поступать первые кремневые системы. В основном их было две: бойковые и колесцевые. Боек одним ударом высекал искры, воспламенявшие порох на полке. Колесико, работавшее от пружины, как в появившихся ранее часах, высекало искры трением. Оно было капризным и ненадежным, особенно при повторном зарядании.

Михась одним из первых научился стрелять из пистолей, причем одновременно с двух рук и в движении. Вероятно, поэтому он и уцелел в многочисленных abordжах на дальних морях, когда на скользкой, качающейся палубе морская пехота Дрейка схватывалась с пиратами или испанцами. Пистолы сильно выручали в бою с превосходящим по численности противником, служа хорошей страховкой в сабельном или ножевом поединке. Еще Михасю нравились ручные бомбы – чугунные шарики, начиненные порохом, со вставленным в них фитилем. Их было весьма приятно запустить в противника перед началом abordжа. Единственное неудобство – фитиль. Его нужно поджигать, причем заранее, потом тушить, если корабли почему-то еще не сошлись, потом опять срочно зажигать, при этом руки заняты бомбой, фитилем и кресалом, и т. д. Но сама бомба – это, конечно, вещь!

Когда Михася, как мастера стрельбы из пистолей, пригласили за Забор для встречи с оружейниками, строго-настрого предупредив о неразглашении, он попал к Губану. Губана уважало и высоко ценило все начальство Лесного Стана, прощавшее ему многие чудачества. Михась вспомнил заседание малого Военного Совета, куда его привел Губан, чтобы затем на испытательном поле наглядно показать, как метко можно стрелять из новых пистолей. Решался вопрос о том, заменять или не заменять фитиль кремневыми системами. Губан не умел говорить тихо. Он всегда орал, при этом лицо его краснело, светло-серые глаза округлялись, здоровенный кулак угрожающе покачивался перед носом собеседника.

– Я вам так скажу, – начал Губан почти спокойно свою речь перед Советом. – Ваш фитиль, – он поднял указательный палец, и все члены Совета невольно посмотрели на палец, думая, что это, возможно, изображение фитиля, но Губан рубанул рукой в воздухе и, покраснев от натуги, смачно выкрикнул: – Го-о-вно!

Тихо звякнули стаканы венецианского стекла на столе.

– Повторяю! – проорал Губан, тряся указательным пальцем, направленным в потолок (можно подумать, что его кто-то не расслышал!). – Го-о-овно!

Михасю стало не по себе. Его в Лесном Стане за глаза и порой в глаза называли «уставной дружинник», поскольку Михась свято и истово верил в незыблемость и высший смысл воинской дисциплины и необходимость беспрекословного подчинения командирам и начальникам. Сейчас он подумал, что настал последний час бедного Губана, а также и его, Михася, как невольного свидетеля оскорбления Совета. К его удивлению, никто не отреагировал на крик, а председательствующий спокойно попросил Губана изложить суть своих соображений. И изложение, и последующие испытания прошли благополучно, и система была принята на вооружение.

Губан и Михась друг другу как-то сразу понравились. Опыт Михася нужен был Губану для усовершенствования кремневого замка перед запуском его в массовое производство. Губан был доволен, что Михась толково отвечал на вопросы, ухватывая их суть с практической точки зрения. Михась же сразу почувствовал незаурядный ум и талант Губана, осознав без всякой зависти и внутреннего неудобства, что он по сравнению с Губаном не более чем малек – быстро бегаящий, ловко дерущийся и метко стреляющий, однако не способный создать Вечное Знание, которое будет передаваться из поколения в поколение. Но настоящая дружба этих равно талантливых каждого в своей области людей началась после ручной бомбы с колесиком.

Они сидели в просторной избе Губана, где на больших гладко струганных столах во множестве валялись инструменты, детали, чертежи и каждая из четырех стен которой была выкрашена в свой цвет. Как объяснял Губан, разные цвета – для разных настроений. Он действительно часто переходил от безудержного оптимизма и громогласного самовосхваления к не менее громогласному самобичеванию и сетованиям на собственную бездарность. Они уже обсудили все, что запланировал Губан, и просто отдыхали после долгой и напряженной умственной работы.

– Значит, колесико – дрянь, бесперспективно... – вдруг тихо, как бы про себя, пробормотал Михась.

– Ну да, я ж тебе объяснял! – слегка удивленно ответил Губан, сразу же закипая, как вода, в которую опустили кузнечную заготовку из горна. – Дерьмо! Одноразовое! Пружина устает! – Три удара кулаком по столу веско дополнили

словесные аргументы.

– Слушай, Губан, – раздумчиво произнес Михась. – А ведь есть вещь, которая работает ровно один раз... – И замолчал.

– Ну, что за вещь? – нарушил Губан затянувшуюся паузу.

– Ручная бомба. С фитилем в бою неудобно возиться... Но если у колесика пружина, как ты говорил, от долгого сжатия все равно слабеет и может не сработать... Да и спусковой механизм громоздкий... Нет, ерунда! Но было бы здорово! – сбиваясь, путано и неуверенно выпалил Михась.

Губан сидел молча, глаза его сузились.

– Бомба, говоришь... – пробормотал он, глядя уже не на Михася, а куда-то сквозь него, в пространство, и добавил быстро, приказным тоном: – Так, топай домой, мне надо подумать!

На следующее утро, вернее еще ночью, до первых петухов, к спящему Михасю ввалился малец из дежурного десятка и звонко доложил:

– Боец Михась! Тебе велено срочно явиться к мастеру Губану!

Михась мгновенно оделся и, бесшумным стремительным бегом пролетев через спящий Стан, предстал перед Губаном. Тот в нетерпении ходил по избе, сжимая в руке измятый лист бумаги.

– Слушай, Михась! – не поздоровавшись, торжественно провозгласил он, потрясая кулаком с бумагой. – Пружина – ерунда! Не надо пружины! – Губан прихлопнул бумагу, оказавшуюся чертежом, к столу, ткнул в нее указательным пальцем. – Бечевка! Смотанная на ось! – выкрикнул он. – И никаких спусковых механизмов! Вот, смотри: это ось, это кольцо, выдергиваешь его вместе с бечевкой, колесико раскручивается, дает искру! А вот, в трубке, фитиль-замедлитель. И все, бросай!!! – радостно вопил Губан, уставившись на Михася, упиваясь своей гениальностью и явно ожидая ответного восторга.

– Не понял, давай еще раз, – Михась уткнулся в чертеж.

– Да как не понял? Ну, смотри же! – Губана просто распирало от гордости и самодовольства. – Это мы с тобой придумали!!! Видишь, вот запальная трубка, а вот...

– Михась! – прервал его воспоминания голос Разика.

– Я! – Михась вскочил, кивнул дедку и подбежал к десятнику.

– К ночи заступай с бойцами в караул разводящим. Сейчас сориентируйся по месту, оцени подходы. Хотя тут тебе все подробно объяснят. – Разик указал на дедка. – Выполняй!

– Йес, сэр!

Сменив посты, Михась некоторое время стоял во дворе, наслаждаясь тишиной и теплом летней ночи. Ему вдруг на миг, как в детстве, показалось, что все в этом мире хорошо и впереди его ждет одно только светлое и радостное. Он вспомнил, как океанский бриз развеивал светлые, чуть рыжеватые волосы Джоаны, когда она, опираясь на резные перила, огораживающие ют «Принцессы», смотрела вдаль, туда, где за линией горизонта на всех парусах неслась им на выручку английская эскадра. Он даже задохнулся от счастливого предчувствия. Затем нахмурился: «Что-то не вовремя расслабился, разводящий! Так и службу завалить недолго!» – почему-то вздохнул и вошел в караульную избу.

В караулке было тепло и уютно, неярко светились лампада под образами и одинокая свеча на столе, возле песочных часов (механические пружинные часы были еще редкостью, и во всем передовом отряде их имел только Разик). Бодрствующая смена, в основном – молодняк, сидела вокруг стола и слушала начальника караула, десятника второго десятка Желтка. Желток рассказывал историю своего прадеда. Михась слышал ее не единожды, поскольку сам имел некоторое отношение к семейству Желтка: они были то ли четырех-, то ли пятиюродными родственниками, поскольку двоюродная сестра мужа сестры матери Желтка, то есть его дяди, была замужем за двоюродным братом отца Михася (Михась всегда путался в названии родственников и родственных связей). Он прекрасно знал, что Желток – это слегка переименованное для удобства английское графское имя – эрл Шелтон, или, на французский манер (в те времена при английском дворе часто говорили по-французски, с ударением

на последнем слоге) – Шелтон. Тем не менее Разик, когда прилег на лавку вместе с отдыхающей сменой, не стал сразу засыпать, а некоторое время лежал с открытыми глазами и слушал знакомый с детства рассказ, в который раз тихонько посмеиваясь в соответствующих местах, хотя сейчас эта история вызывала в самой глубине его сердца внезапные короткие уколы глухой тоски и боли, ибо он еще так и не получил ответа от монахов лесного монастыря, ведающих родовыми списками: может ли он мечтать о леди Джоане Шелтон как о своей невесте, или они состоят друг с другом в слишком близком родстве...

Женитьба в тайном Лесном Стане была делом весьма важным, а иногда – сложным. В принципе, всем более-менее грамотным и думающим людям давно уже было понятно, что близкородственные браки приводят к болезням и вырождению. В европейских королевских домах, где процветали браки с «равными по сану и благородству крови», то есть с троюродными братьями и сестрами, собственными племянниками и племянницами, рождались сплошь уроды и безумцы. А тайный воинский Лесной Стан был основан людьми дальновидными, заботившимися об уме, силе и здоровье дружинников. Поэтому браки с родственниками, даже дальними, были категорически запрещены. Монастырские монахи вели родовые списки и по каким-то им одним ведомым признакам (в Стане не принято задавать лишних вопросов) жестко запрещали некоторым юношам жениться на местных. Такие неудачники или счастливики – это как посмотреть – из числа леших должны были отыскать себе жену во время заморского испытания. Прадед Желтка проходил заморщину в Англии, служа в войске короля. Он то ли спас своего военачальника, то ли, наоборот, завалил чужого, а скорей всего – проделал и то, и другое одновременно и многократно. В общем, «русск боярн» прославился до предела и был восторженно принят местной знатью. Так же лихо, как и воевал, леший покорила сердце одной из дочерей эрла Шелтона, спустился с ней по веревке с десятисаженной башни в ладью и отчалил в поморские леса. Эрл хотел было отправиться мстить обидчику, но, вспомнив рассказы очевидцев не столько о медведях, которые стадами бродили по улицам русских городов, сколько о страшных огнедышащих банях, где людей заживо поливают кипятком, – тут не спасет благородная рыцарская броня! – решил объявить, что дочь милостиво согласилась стать царицей «северо-восточного боярства». В «северо-восточную царицу» родственники и соседи охотно поверили, памятуя достоинства доблестного «русск боярн». Таинственность и поспешность отъезда эрла объяснил необходимостью разрушить интриги завистников. Так что приличия были соблюдены, и – редкий случай в истории! – все остались довольны.

Сын прадеда и эрловой дочери – дед Желтка вырос настоящим англосаксом – крепким, рыжим и веснушчатым (совсем как я! – улыбался Желток), благополучно прошел соответствующие испытания и был принят в славные ряды леших. Тем временем в Англии один за другим пали в боях сыновья эрла. Встал вопрос о наследнике титула и поместий. От кого-то из наших, скакавших тогда по Европам, эрл прослышал о сыне старшей дочери – «северо-восточной царицы» и передал привет и просьбу внуку приехать в Англию. Будущий дед Желтка как раз должен был отбывать заморщину. Руководство Лесного Стана не возражало, и дед отправился по стопам своего отца. Однако по прибытии он встретил не только объятия эрла, но и ненависть других претендентов на титулы и поместья. Главным претендентом был муж младшей дочери эрла, которая тогда в очередной раз торжественно обещала родить наследника, но пока у нее с этим что-то не ладилось. Дело чуть не дошло до рукопашной, но претендент, вспомнив устные рассказы о «русси боярн», предпочел просить правосудия у короля. Здесь он явно просчитался, поскольку король – истинный рыцарь, ненавидевший всяческое крюкотворство по причине собственной малограмотности, а может быть, зная склочные нравы своих вассалов, решил, что без рукопашной все равно не обойдется, и повелел назначить судебный поединок. Титулы и поместья были лешему, в общем-то, без надобности, но он приехал за море с целью подраться и на поединок охотно согласился.

И вот в одном конце ристалища, окруженного небывалым количеством пэров, сэров и простолюдинов, расположился претендент с копьем, щитом, гербом и плюмажем, с ног до головы закованный в сверкающие латы. На коня он садился, как и положено благородному рыцарю, при помощи восьми слуг и блока с веревкой, поскольку доспехи у него были новейшего, максимально усиленного образца, от лучшего мастера, не пожалевшего железа для постоянного клиента, и передвигаться в них самостоятельно было невозможно. Дед был в том, в чем приехал: в легкой кольчужке с нагрудником (в таких доспехах можно при необходимости переплыть речку; а при защите лешие полагались отнюдь не на броню), и его тонкое копье вызывало даже у немногочисленных сочувствующих сэров явный скепсис. У претендента копье было размером в две оглобли. Надо сказать, что наконечники на копьях были затупленные. Для победы в поединке достаточно было выбить соперника из седла.

Королевская фаворитка махнула платком, и соперники помчались навстречу друг другу. Дед был отличником боевой подготовки и наряду с другими важными вещами усвоил ту простую истину, что лоб в лоб прут только доблестные лопухи, а знающий человек обязательно старается силу противника

обернуть против него же самого. Нет ничего приятней для опытного глаза, чем враг, несущийся на тебя сломя голову. Поэтому дед, рассчитав момент сближения, осадил на всем скаку коня, крутанул его в сторону и, когда не успевший изумиться претендент с лязгом мчался мимо, от души огрел его копьем по железному за гривку. Грохот доспехов об землю спугнул даже издававших виды местных ворон, которые, раздраженно каркая, долго еще кружили вокруг столба пыли, поднявшегося над ристалищем. Впрочем, шум, поднятый сэрами и пэрами, заглушил безобидных ворон. Деду возмущенно объяснили, что он действовал не по правилам, что уворачиваться нельзя, поскольку-де турнир хоть и является поединком один на один, но он как бы подразумевает строй рыцарей, скачущих навстречу друг другу, а в строю не увернешься! Дед высказал сожаление по поводу незнания правил и отговорился тем, что у нас в лесу строем не поскачешь. Потом он громко извинился перед претендентом, но тот закричал нечеловеческим голосом, что это смертельное оскорбление, что он не простит и будет теперь биться насмерть, острыми копьями. Нечеловеческим его голос был потому, что когда он приземлился, забрало шелома захлопнулось, и верные оруженосцы никак не могли его открыть. Рыцарь вопил внутри доспехов, производя оригинальный акустический эффект.

Смертный поединок состоялся тут же, но не на самом ристалище, а на специальной узкой дорожке, протянувшейся сбоку от основной площадки и огороженной с двух сторон барьерами, на которой упражняли начинающих рыцарей и молодых коней, приучая их нестись навстречу врагу, не сворачивая в сторону. (Тут уж «русси бояри» никуда не денется и столкнется с благородным рыцарем, как овца с быком! – удовлетворенно хихикали сэры.) Дед, прежде чем встать на исходную позицию, несколько раз громогласно спросил: нет ли еще каких-либо ограничений, кроме запрета уворачиваться от противника, поскольку убитого уже не воротишь. Его хором заверили, что нет. Знай себе скачи навстречу и рази копьем! Именно так дед и поступил. Правда, он не стал дожидаться сближения с горой железа и оглоблей, а на всем скаку просто метнул свое легкое копье в претендента. Он и с места-то кидал копье отнюдь не хило, пробивая с пятнадцати шагов двухдюймовую доску. А тут еще добавилась двойная скорость конского галопа. В общем, копье насквозь пробило дорогие доспехи вместе с помещенным в них претендентом. Сэры и пэры, хотя и не нашли, что сказать, окончательно укрепились во мнении, что русичи – дикие люди, которым никогда не подняться до уровня благородной Европы, и, затаив обиду, начали плести интриги. Один лишь старый эрл, души не чаявший во внуке, удивительно похожем на дядьев и других предков, безоговорочно признал его победителем и объявил наследником титула – эрлом Шелтоном.

Уже засыпая, в последний миг между сном и явью Михась почему-то увидел Губана, летящего по воздуху рядом с Желтком, скачущим на огромном вороном коне. Губан указывал длинным, размером с копье, пальцем куда-то вперед и кричал Желтку: «Потяни кольцо! Потяни кольцо!..»

Отряд пришел рано на рассвете, почти неслышным призраком проскользнув через пригород. Михась стоял на правом фланге выстроенного для встречи головного дозора и с возрастающим изумлением смотрел на втягивающуюся в ворота колонну. Он даже представить себе не мог, что за ними шел отряд такой численности и главное – такого состава и вооружения. В середине колонны, среди привычных серо-зеленых беретов, вдруг мелькнули три десятка черных – отличительный признак особой сотни. Затем он разглядел Игорька Сухарника, лучшего пушкаря в Лагере, и опытным глазом отметил в обозе пушки на повозках, замаскированные под обычную поклажу. Но тут же, чуть не подпрыгнув от неожиданности, Михась враз забыл обо всех черных беретах и пушках: из задних рядов колонны на него чуть смущенно, но вместе с тем озорно и вызывающе уставились огромные голубые глазищи Катьки. «Етит твою хрень!» – только и произнес про себя Михась и, едва дождавшись команды «разойдись!», закипая яростью, нервным широким шагом направился к невысокой стройной фигурке, одетой, как и все, по-мужски, ведущей коня под уздцы в обширные конюшни.

– Та-ак, – грозно протянул он, заходя вместе с Катькой в отведенное ее скакуну стойло и с притворной приветливостью, изрядно отдающей ехидством, произнес: – Здравствуй, сестренка!

– Здравствуй, братец, – как ни в чем не бывало, ласковым голосом пропела Катька. Она-то к встрече была готова.

– Это как понимать? – по-прежнему угрожающе спросил Михась и наконец взорвался: – Какого хрена?! Кто разрешил?! Ты как сюда попала?!

– Братец, я, между прочим, на службе, – спокойно, как маленькому, объяснила Катька.

– Я тебе сейчас покажу службу, зараза!

Скрипнула дверца стойла. Михась обернулся, увидел Разика. Тот вошел и почему-то смущенно снял берет.

– Здравствуй, Катерина!

– Здравствуй, Разик! – Катька опустила глазки и присела в глубоком реверансе, который смотрелся в конюшне весьма экзотически. К тому же мадемуазель была облачена не в пышное бальное платье, а в сапоги со шпорами и шаровары, не говоря уж о многочисленной амуниции.

Повисла неловкая пауза. Разик теребил в руках берет. Михась со злостью сжимал и разжимал кулаки. Катька стояла потупив взор, как и подобает благовоспитанной леди в обществе джентльменов. Кто-то должен был сказать нечто оригинальное.

– Катерина, поздравляю тебя с прохождением испытаний и вступлением во вспомогательный отряд! – Ничего глупее Разик придумать не смог.

– Благодарю, брат десятник! – с едва уловимой насмешливостью отрапортовала Катька. – Разрешите идти?

– Разрешаю! – Разик чувствовал себя последним идиотом.

Михась пробормотал нечто нечленораздельное, потом проворчал в спину уходящей сестре:

– Подойдешь ко мне в личное время!

– Есть, брат головной! – последовал звонкий ответ.

– Зараза! – с тоской произнес Михась, опускаясь на охапку соломы. – Совсем без отца и матери от рук отбилась. Ну куда ей в строевой состав?

Разик только горестно вздохнул, глядя вслед ушедшей сестренке своего друга.

Отрядом леших командовал самый молодой в дружине Лесного Стана сотник Дмитрий Васильевич, боевое прозвище которого было, как и положено, коротким и звонким – Дымок. Он сидел с Ропшей в небольшой горнице и внимательно слушал старого боярина.

– Бойцов накормят и устроят без тебя. Караулы Разик уже поставил, – Ропша говорил тихо и серьезно. – Отдохни часок (он поглядел на лежавшие на столе карманные часы Дымка – редкую новинку, которую только-только начали изготавливать за Забором), отобедай и – во дворец, пред светлые царевы очи. Так я до сих пор и не могу понять, что они там придумали, зачем вызвали одно лишь мое ополчение. С собой возьмем только троих, самых надежных. Больше – нельзя, не по чину! – Он усмехнулся. – Возможно, придется прорываться. Отряду после отдыха – полная готовность. Своим я уже дал команду на сворачивание. Уходить будем вот так... – Он показал на карте, которую составил тайно за многие годы и копию которой Дымок получил еще в Лесном Стане. – Дальше – не знаю: уходим в Стан или оседаем в лесах? Тут тебе видней. Для простого отхода вряд ли собрали бы такую армаду, так?

Дымок кивнул.

– Для оседания удобное место – вот здесь, – Ропша указал огромный лесной массив, окрашенный густым зеленым цветом.

– Спасибо, Андрей Егорович, – сказал Дымок. – Но в любом случае мне нужно встретиться с митрополитом. Он писал нашему игумену. Для меня это – основное задание.

– Хорошо, я подумаю, как обеспечить встречу, – задумчиво произнес Ропша.

Лешие отдыхали после долгого похода. Все уже знали, что через час объявят полную готовность и в течение неопределенного времени они будут находиться хотя и вне строя, но в полной амуниции и вооружении. За десять минут до истечения времени отдыха в обширный блокгауз с низким бревенчатым потолком и узкими окнами-бойницами, в котором свободно разместились две сотни бойцов, вошел Дымок. Дневальный, стоявший возле двери, вытянулся, замер.

– Подними Михася, Лужка и Кашку. Жду их у красного крыльца в полной боевой.

Через две минуты трое леших стояли перед начальником отряда.

– Слушай задачу. Сопровождать меня и боярина верхами к царю во дворец. На подначки и задиры не отвечать. Первыми не начинать. В случае прямого нападения валить всех подряд и пробиваться в усадьбу. По маршруту следования и возможного обратного прорыва нас будут прикрывать бойцы особой сотни. Они переодеты, работают под местный люд, действуют, как всегда, независимо. Просто имейте их в виду. Прорвавшийся первым передает отряду сигнал на отход. Мой заместитель – сотник второй сотни – знает, что делать.

Михась садился на коня в несколько растрепанных чувствах. Тут тебе и Катька, единственная в мире родная душа после гибели отца и матери, ввязавшаяся в непонятный, а потому – вдвойне опасный поход, и отсутствие известий из монастыря (Михась втайне надеялся, что с пришедшим отрядом он получит долгожданную весть), и особники (так кратко звали бойцов особой сотни), к которым Михась после того памятного ему, Разику и Желтку поединка на заключительных испытаниях относился весьма неоднозначно... Раздавшаяся команда «Рысью марш!» заставила прервать размышления, и Михась мгновенно и привычно настроился на боевой лад.

Маленькая кавалькада двигалась по узким пыльным улочкам предместья к новому царскому дворцу, выстроенному недавно за Неглинной, поскольку царь, опасаясь боярских заговоров, испытывал инстинктивное недоверие к старому кремлевскому дворцу своего деда и не желал обитать в нем. Время от времени под копытами гремел деревянный настил. Немногочисленные прохожие, завидев бобровую шапку Ропши, прижимались к заборам, уступая дорогу, и с робким любопытством глазели вслед странно одетым лешим. Михась, как ни пытался, так и не смог определить, где их встречали особники. Впрочем, это было естественно: они никак не должны были отличаться от обычного люда. Было довольно много нищих, татар в полосатых халатах, крестьян в серых дерюжных рубахах и дворовых людей – в белых полотняных. Почему-то почти не встречалось женщин и девиц. Мало было купцов и боярских детей, то есть людей, одетых более или менее богато.

Непосредственно возле дворца улицы были почти безлюдными, словно вымершими. Дворец, обнесенный высокой бревенчатой крепостной стеной, даже

в яркий летний день выглядел так, словно был окутан тенью от невесты откуда взявшейся на безоблачном небе тучи. У ворот леших встретил караул стрельцов в длиннополых красных кафтанах, с фитильными пищалями и страшными на вид секирами, которыми хорошо отмахиваться от безоружной толпы, у опытного же бойца они вызывали лишь усмешку. В обширном дворе царило некоторое оживление, резко контрастировавшее с безлюдными улицами и площадями: сновали слуги и дворовая челядь, солидно шествовали приказные дьяки, робко сгрудились в уголке немногочисленные боярские возки. Но главными фигурами, несомненно, были опричники, небольшими группами располагавшиеся на всем пространстве двора, громко разговаривающие друг с другом, ленивой и уверенной походкой прогуливающиеся в произвольных направлениях, при этом все живое мгновенно исчезало с их пути.

Ропша, как призванный в ополчение, был не в возке, а на коне, при оружии, в сопровождении своих дружинников. Опричники, по-видимому наслышанные о цели «царской милости» и о странно одетых людях чудаковатого боярина, смотрели на них без особого любопытства и если не расступались, то, во всяком случае, не загораживали им дорогу на дворцовое крыльцо. Михась с двумя бойцами, как и положено, остался у коновязи.

У дверей царской палаты леших встретил Басманов-старший. Оценив быстрым взглядом заграничный облик Дымка и привычно отметив глуповатую улыбку на простецком лице Ропши, он удовлетворенно улыбнулся и широким жестом поприветствовал входящих.

– Здравствуй, здравствуй, боярин! Однако не спешишь ты исполнить царев указ!

– Дык ведь... Отец родной! Как же? – Ноги Ропши от страха перед неудовольствием царева любимца подогнулись, челюсть отвисла.

– Ну-ну, ладно! Знаем твоё рвение усердное! – примирительным тоном успокоил его Басманов, боясь, как бы боярин тут же не преставился от испуга, сорвав его хитроумный план. – Идите к государю, ждёт!

Царь сидел, чуть сгорбившись, на невысоком троне. В просторной палате было сумрачно, солнечный свет едва пробивался сквозь закрытые ставни. Одевание царя напоминало монашескую рясу. Худая рука с узловатыми длинными пальцами крепко сжимала тяжелый посох. Лицо Ивана Васильевича было трудно

разглядеть в окружающем сумраке, лишь время от времени из тени сверкали большие, чуть навываде, глаза. В стороне от трона, на широкой резной скамье, устланной множеством мягких, расшитых бисером подушек, полусидел-полулежал Басманов-младший в богатом малиновом кафтане, небесно-голубых шелковых шароварах и желтых сафьяновых сапожках с высокими каблуками и загнутыми вверх длинными острыми носами. Он сразу напомнил Дымку одного из попугаев, которых во множестве продавали на рынках в приморских городах. Юноша, не проявляя никакого интереса к вошедшим, поигрывал многочисленными перстнями.

Боярин рухнул на колени, стукнулся лбом об пол. Дымок, сняв берет, опустился на одно колено, склонил голову. Европейское приветствие соответствовало его европейскому облику.

– Встаньте, слуги мои верные, – тихим, но проникновенным голосом произнес Иван Васильевич. – Что за молодца ты привел, Ропша?

– Боярский сын Митька, царь-государь, над моим ополчением начальник!

Царь, коротко переглянувшись с Басмановым-старшим, удовлетворенно кивнул.

– Знаешь ли, боярин, что в Москве и городках деется? Разбойников лютых развелось – гражданам усердным ни пройти, ни проехать! Совсем озверел народишко от кротости моей, от воровства злодея Адашева, наставника моего бывшего, предавшего своего питомца вероломно, осиноый кол ему в могилу! – Глаза царя сверкнули лютой ненавистью, тяжелый посох резко бухнул в пол железным наконечником. – Даже в Москве – стольном граде – среди бела дня людишек режут. Молодцы мои верные с ног сбились, не успевают с душегубами разделываться. Я сам, как видишь, в новом дворце-крепости оберегаюсь. Тебя вот кликнул на подмогу. Яви милость государю своему сирому, послужи, обереги от злодеев!

Ропша опять бухнулся на колени:

– Отец-государь, надежа ты наша! Живота не пощадим, только прикажи!

– Басманов прикажет. Караулы, облавы, заставы. Ну, ступай, боярин! Я же денно и ночью молюсь со смирением о судьбах отечества да о грехах моих тяжких...

Бормоча со слезами в голосе слова благодарности и преданности, Ропша, пятясь, выбрался из палаты. Дымок, отвесив поклон на западный манер, четко повернулся и последовал за ним. В соседней комнате Басманов, усадив их на скамьи, в туманных выражениях объявил, что отныне в задачу ополчения Ропши входит искоренение злодеев-разбойников на улицах Москвы, в окрестных деревнях и лесах вплоть до осени, а там видно будет, как Бог даст. Тем временем Михась и бойцы стояли в ленивых позах возле коновязи и, полужакрыв глаза, внимательно наблюдали за обстановкой, с напряжением ожидая звона сабель в царских палатах или взрыва ручной бомбы, лежавшей в кожаном подсумке, прикрепленном к поясному ремню Дымка. У них на ремнях висели такие же подсумки, в седельных кобурах находились готовые к бою пистолы. Сабли на португепях, ножи за голенищами – можно при необходимости устроить весьма приличное побоище. Михась тщательно, метр за метром, осматривал стены царских палат и высокого терема, прикидывая, как можно будет прорваться на помощь своим начальникам не через парадные сени, которые наверняка заблокируют, а через окна или балконы. Архитектура дворца была исконно русской, кружевной и затейливой. Многочисленные башенки, светелки и купола делали здание, с точки зрения Михася, участвовавшего за время службы у Дрейка в доброй полусотне абордажей, благодатным местом для маневренного боя с превосходящими силами противника. Михась хорошо умел сражаться, передвигаясь по надстройкам, рангоуту и такелажу боевых кораблей во время качки, поэтому он легко мог бы при необходимости достигнуть любого окна дворца непосредственно по стенам и крышам, не пользуясь дверями и лестницами, по которым ходят нормальные люди. Так же свободно он смог бы и покинуть дворец, уничтожая по дороге пытающихся помешать ему противников. Конечно, Михась не знал внутреннего устройства дворца, но после внешнего осмотра мог уже составить себе некоторое представление об оном.

Однако вскоре ему пришлось переключить внимание на большую группу опричников, собравшихся у коновязи. Те уже не орали во всю глотку, а вполголоса о чем-то переговаривались, поглядывая в сторону дружинников, и время от времени громко ржали. Вскоре от группы отделился высокий широкоплечий детина и неспешно направился к лешим, слегка переваливаясь на коротковатых толстенных ногах. Руки у него были не намного тоньше ног.

– А ну, чегось тутa встали! Расступись-ка! – Детина попытался толкнуть Михася плечом, припечатать к столбу коновязи.

Михась, не вынимая рук из карманов шаровар, неуловимым движением ушел вправо и подсек опорную ногу. Со стороны могло показаться, что детина сам споткнулся в пыли и шмякнулся носом о коновязь.

– Ох, как ты неловко-то! – сочувственно воскликнул Михась, бросившись поднимать детину, и незаметно ткнул ему двумя пальцами чуть пониже уха. Детина сомлел и никак не хотел вставать. Из расквашенного носа текла кровь.

– Ребятюшки, подсобите! – крикнул Михась опричникам, сам втроем с бойцами суетливо и безуспешно пытаясь поставить на ноги неподъемную тушу.

Опричники с удивленными возгласами и смешками подошли, подняли детину, оттащили к колодцу, прислонили к сруб, окатили из ведра. Тот заворочал головой, захлопал глазами.

– Поскользнулся, оступился! – на все лады зубоскалили опричники.

Детина порывался вскочить на нетвердые еще ноги и отомстить, толком не понимая, кому и, главное, – за что. Все произошло так быстро и незаметно, что он и сам думал, что случайно запнулся и треснулся о коновязь. Его насильно усадили обратно, шепотом напомнив, что людишек Ропши Басманов велел не обижать: государево дело!

На дворцовом крыльце показались Ропша с Дымком и – редкая честь! – вышедший самолично проводить их Басманов-старший. Они захватили самый конец разыгравшейся во дворе сценки. Михась взглядом успокоил своих, а Басманов, нахмутив брови, незаметно погрозил опричникам. Лешие кинулись подавать коня боярину, подсаживать его в седло. Скромная кавалькада, провожаемая насмешливыми взглядами опричников, покинула царский двор.

После того как лешие благополучно вернулись от царя, полная готовность бойцам была отменена и прозвучала команда к обеду. Хотя, по правде говоря, ни Ропша, ни Дымок так и не уловили сути разыгравшегося в царских палатах лицедейства, и тревога не покинула их. Они сошлись во мнении, что что-то здесь не чисто и нужно держать ухо востро. Однако, кроме вышеупомянутых соображений общего характера, отнюдь не блещущих, как понимали оба начальника, глубиной и оригинальностью, ничего более конкретного они пока не

смогли придумать. Ропша послал своих людей подготовить встречу Дымка с митрополитом. С ними отправились осваивать обстановку бойцы особого подразделения, так и не проявившие себя по пути следования кавалькады во дворец и обратно.

– А пока суд да дело, – сказал после заслуженно обильной трапезы Ропша, – мы с тобой, Дмитрий свет-Васильевич, отправимся-ка в гости к достойным людям, чтобы в избе сычами-то не сидеть. Деревенщине вроде тебя следует шастать по Москве с разинутым ртом – в друзья местной знати набиваться. Вот и пойдем поклонимся князю Юрию для начала. Он, как-никак, мой да твой дальний сродственник по прабабушке. Да и человек он хороший, что по нынешним временам редкость удивительная.

Стоял теплый летний вечер. Ропша и Дымок с несколькими «слугами» в легкой амунии подъехали к высокому терему князя, украшенному веселыми расписными башенками. Терем находился в густозаселенном районе города, поэтому вокруг него не было такой обширной усадьбы, как в загородном доме Ропши. Двор был небольшой, с конюшнями, службами и огородом. На красное крыльцо, покрытое навесом, поддерживаемым резными столбиками, встречать леших вышел сам князь, он троекратно расцеловался с Ропшей, по-отечески похлопал по плечу Дымка:

– Заходите, гости дорогие! Встречаю вас по-простому, по-родственному, уж не обессудьте!

В невысокой просторной горнице был уже накрыт обильный стол. Прием «по-родственному» состоял не только в простой домашней одежде князя, малом количестве слуг и скромной – не парадной – сервировке. Главное заключалось в том, что за столом, на скамьях, покрытых бархатными подушками, сидели, встречая дальнюю родню, жена и дочь князя Юрия.

– Вот, познакомьтесь с красавицами моими: княгинюшкой и княжной, Марьей и Анастасией, – с добродушной гордостью пробасил князь.

Они действительно были красивы той спокойной русскою красотой, которая вносит в душу не смятение и страсти, а счастливое умиротворение. Мать и дочь были похожи друг на друга, только волосы и брови у княжны были темнее и стан тоньше. Она сидела, опустив голову, потупив глаза: не часто доводилось

женщинам из высшего сословия пировать за одним столом с гостями мужеского пола. Светлица в тереме, хороводы с подружками и качели летом в саду, катание в закрытом возке зимой – вот и все радости светской жизни русских боярынь. Конечно же, они часто ходили в церковь, но у многих были свои домашние часовни и, как сказали бы на Западе, русские дамы практически не показывались в свете. Дымок, разумеется, хорошо знал это разительное различие между русскими и европейскими женщинами, активно ведущими светскую жизнь, бывающими интересными собеседницами, опасными противницами или ценными союзницами в политике и интригах, поэтому он не обратил на княжну и княгиню особого внимания. К тому же одетый по-иностранному леший был тут же втянут князем в удручающе серьезный и традиционный для более-менее образованных русских людей разговор об исконности Руси и гнилости Европы.

– Вот ты, Митрий, – уж извини старика, по отчеству я тебя величать не стану – по заграницам едешь, в кучее платье басурманское облачен и бороду не носишь. А ведь на иконах греческих, по вере нашей православной нам завещанных, все святые мужи в бородах и одеждах длиннополых изображены. В ком же ты видишь для себя пример?

– Дорогой князь Юрий, я воин, а не богослов и толкованию образов иконописных не обучен. Боюсь, однако, что сравнивать себя со святыми мужами – гордыня неимоверная. Относительно же греческих корней нашей веры замечу, что, согласно древним книгам и изображениям, греческий царь Александр Македонский и сам брил бороду, и войско его сему примеру следовало. Объясняется это просто: в рукопашной ухватить противника за бороду весьма сподручно. Зачем же я буду давать басурманам лишнюю возможность одержать верх надо мной – православным воином? Одежда моя тоже приспособлена для удобства ношения боевого снаряжения и от западной, кстати, отличается весьма значительно: там щеголяют в кафтанах и штанах, то бишь в колетах и кюлотах, сшитых в обтяжку, а у нас, как видишь, все свободно и удобно, никакого стеснения для движений нет.

– Бойко излагаешь, любого богослова, однако, за пояс заткнешь. Но все же объясни мне, старику малообразованному, в чем видишь пример для себя в обычаях и устройствах европейских? И чем же на Руси мы хуже-то?

– Я так мыслю: у всех стран и народов есть свои достоинства и недостатки. Даже ханы, не к ночи будут помянуты, когда Русь завоевывали, выгодно отличались от

нас и единством, и устройством войска. А чем же сильна Европа? Тут можно ответить совсем кратко: камнем.

– Звучит красиво, как афоризм в древних книгах греческих. Но, безусловно, дальнейших объяснений требует.

– Разумеется. Так вот, Европа – страна каменная, а Русь наша – деревянная. У нас и просторы необъятные, и леса густые, бесконечные. Жилища у нас из дерева строятся легко и быстро. Но то, что легко построить, легко и разрушить. Россиянин, свою избу из бревен складывающий, уверен твердо, что жилье это временное: или ханы налетят, пожгут-поруют, или само сгорит от случайного пожара. Ну, так ведь это не беда! Пересиди лихолетье в том же лесу и построй себе быстренько новое жилище. Или же просто уйди куда глаза глядят по обширной, малонаселенной земле Русской и обустраивайся на новом месте так же непостоянно, как на старом. Защищать такие поселки не щадя живота своего никакого смысла нет! И так столетиями формировалось сознание россиян. Конечно, есть города, за которые стоят насмерть, но все же основное население у нас по деревням живет.

Иное дело – Европа. У них простору мало, лесов – чуть, зато кругом скалы каменные. Земли мало, людей много. Жилище все из камня, строится веками и на века. И защищают такие дома – гнезда родовые – насмерть. Потому что идти им некуда. Лучше уж умереть на пороге своего дома, чем под забором чужого. Вот на этом и воспитывается иное, чем у нас, сознание у тамошних стойких, умелых бойцов. Другие просто гибнут и не производят в потомстве себе подобных.

– Так что же, по-твоему, мы, русские, и воевать не умеем?

– Нет, не так! Когда враг совсем уж измучит и заполонит родную землю, собираем мы огромное ополчение, где и стар, и млад выходят в поле и ломают стеной. Тут важно не личное искусство каждого бойца, а общий дух, сила и стойкость. Вот так, всем миром, и преодолеваем супостата. Не столько умением, сколько числом. Вернее сказать – единым порывом героическим. Дух народа, между прочим, хорошо в пословицах и поговорках отражается. Вот у нас и появились поговорки: «Русский мужик долго запрягает, да быстро ездит» и «На миру и смерть красна». Нет у европейцев ничего подобного. Зато у них: «Мой дом – моя крепость». К тому же у нас две трети войны – это поход по степям безводным в жару или по пустыням заснеженным в холод. Победит не тот, кто

лучше владеть оружием обучен, а тот, кто более вынослив и после похода в бою кое-как в седле или на ногах еще держится. Все иноземцы удивляются выносливости и неприхотливости русского ратника! У них же и походов-то нет: вся война рядом с домом. Да и не рати они собирают огромные, а немногочисленными отрядами сшибаются постоянно в окрестностях своих замков. Потому и в единоборствах не в пример искуснее не только крестьян-ополченцев наших, но и дружинников княжеских, которые воюют раз в год, а остальное время проводят в суетной праздности. А европеец или бьется постоянно на пороге дома своего, если он в роду старший и наследует замок, или рыщет по свету, как коршун: свободной земли нет, и, чтобы укорениться, должен он отнять себе гнездо силой оружия... Вот почему они и злее, и искуснее в одиночных сшибках. Кстати, не зря ведь государь наш своим указом запретил россиянам здесь, в Москве, да и в других городах биться в судебных поединках с иноземцами и на саблях, и с другим оружием: валят они наших почему зря.

– Да, твоя правда, Митрий. Хотя и не во всем с тобой соглашусь, но есть зерно в рассуждениях твоих... Но что это мы все о войне, да о войне! Там у них, говорят, процветают пышно науки и искусства. Неужто мы и здесь глупее или бездарнее?

– Конечно же нет! В наших домах, которые, мягко говоря, отнюдь не крепости, богатство и достаток выставить напоказ не принято: еще потом позавидуют да отымут. Лучше уж спрятать от греха, да на сирость свою и немочь громко вслух всем жаловаться. Наша страна единственная, где народ старается казаться беднее, чем на самом деле. Вот и живет даже знать замкнуто, за высокими заборами прячутся, друг к другу и в гости-то не ходят. А там – наоборот. В домах-крепостях никого они не боятся, сокровища напоказ выставляют, и, в отличие от нас, стараются казаться богаче, чем есть. То есть кичатся друг перед другом чем могут. И в замке каждого уважающего себя барона, кроме золота-серебра, есть набор предметов для тщеславия из разряда диковинок: карлики, обезьяны, попугаи, мавры чернокожие, и наряду с ними – живописцы, музыканты, ваятели и ученые. Вот так и процветают искусства с науками, не щедро, но достаточно подкармливаемые суетным честолюбием владетельных персон. У нас же люди сообразительные, умом пытливые никому не нужны. Скорее, даже мешают, так как других в соблазн вводят. Хотя изобретатели да умельцы наши, которые не спились с горя или плетью не запороты за речи и дела странные, иной раз повыше иноземных мастеров будут...

Во время высокоумной мужской беседы женщины, как и подобает, сидели за столом молча и не обозначали своего присутствия ни словом, ни жестом. Дымок,

увлекшись рассуждениями, особо и не замечал их. Хотя, по европейской придворной привычке, заканчивая фразу, вежливым полунаклоном головы обращался сразу ко всем собеседникам, как бы давая им возможность прервать его монолог и согласиться или возразить. Вдруг, во время такой паузы, княжна подняла голову, посмотрела на Дымка лучистым, радостным взглядом и по-детски доверчиво улыбнулась. Дымок задохнулся на полуслове. У него даже слегка потемнело в глазах, окружающие предметы утратили четкость, звуки приглушились. Он на миг испытал знакомое ощущение, которое бывает, когда в учебном поединке пропускаешь удар в лоб. Он растерянно посмотрел на Ропшу, на князя и вдруг начал рассказывать, как летом в Италии, когда стремительно садится солнце и наступает непроглядно черная южная ночь, в густых таинственных зарослях начинают вспыхивать мириадами ярких искорок удивительные жучки-светлячки, и, как бы в ответ, морская пена на кромке прибоя тоже начинает испускать чудесный зеленоватый свет.

Весь остаток вечера, который они провели в гостях у князя, разделился в сознании Дымка на две половины. Он смутно воспринимал, что говорили князь и Ропша, что и как он сам отвечал им. Весь мир вокруг него внезапно затуманился и почти исчез. Единственной яркой реальностью, на которой сконцентрировалось все его внимание, была склоненная девичья головка, русая коса, пушистая прядь, выбившаяся за маленьким ушком из туго уложенных волос. И глаза. Темно-серые, огромные, испускавшие то глубокое сияние, с которым не сравнимо ничто: ни солнце, ни звезды, ни волнующий воображение свет морских глубин. И эта улыбка чуть прикушенных розовых губ. Дымку было радостно и страшно. Он понял, что в его душу вошло что-то огромное и светлое, чего ни в коем случае нельзя потерять, за что стоит бороться всеми силами и не жалко отдать жизнь. Весь обратный путь до усадьбы боярина он то и дело возвращался мысленным взором к уже давно скрывшемуся из виду расписному княжескому терему. И только привычная команда «Карауул... смирно!» и короткий грозный ляг выхваченных из ножен сабель вернули его к окружающей действительности, в которой уже завтра он должен был вести приветствовавших его бойцов навстречу неизвестности, крови и смерти.

Наконец-то они собрались все вместе, в спокойной обстановке. Место, в котором они уединились, представляло собой укромный уголок в глубине обширного сада боярина Ропши, где под яблоньками стоял дощатый стол с вкопанными вокруг него скамьями. Разведдал его хозяйственный Желток, любящий создавать себе и товарищам комфорт в любых ситуациях. Он же раздобыл жбан ледяного квасу с

изюмом и четыре берестяные кружки. Четыре потому, что с ними была Катька.

Катька побаивалась недовольствия брата, которого любила всей душой, по-детски восторженно и беззаветно, как отца с матерью. Родителей она почти не помнила, поскольку в момент их более чем странной гибели ей было всего-то три годика. Ее воспитывал Михась, ставший для девчонки абсолютным идеалом и непререкаемым авторитетом. Однако, имея такой же, как у брата, взрывной и эмоциональный характер, Катька странным образом сочетала в душе своей безграничное уважение и восхищение братом со страстным желанием превзойти его на служебном поприще. Она с самого детства упражнялась в группе девчонок, в которую тщательно отбирали кандидаток – одну из нескольких десятков! – не кто иные, как начальники особой сотни. И вот Катька попала во вспомогательный строевой состав и участвует в походе.

Они расселись. С одной стороны – Михась с Желтком, с другой – Катька с Разиком. Катька примерно представляла себе, какой разговор сейчас затеет Михась, поскольку ее приписали к особой сотне не только за физическую ловкость, но и за сообразительность. Поэтому она заранее приготовила контраргумент, который должен был отвлечь Михася от бессмысленных рассуждений на тему «А почему ты, сестренка, ввязалась в мужское дело, ибо я, как старший брат, который обязан волею покойных родителей о тебе заботиться...» и т. д., и т. п.

– Катерина, – начал Михась занудным менторским тоном, когда все, утолив жажду, отставили кружки с чудесным напитком, неведомым в заморских странах. – Я, как твой старший брат...

– Ой, – воскликнула хитрая Катька, как будто только что вспомнила нечто важное. – Извини, Михась, что перебиваю, но у меня есть для тебя известие, которое я сразу забыла сообщить.

– Ну, говори! – как будто с неохотой согласился Михась, который сам понимал всю бессмысленность затеянного им разговора, но считал своим долгом произнести правильные слова и соответствующие наставления.

– Я перед самым походом заходила в наш монастырь и спрашивала, разрешили ли вопрос о твоей женитьбе на леди Джоане...

Михась от неожиданности подскочил на месте и наверняка опрокинул бы лавку и стол, не будь они вкопаны в землю.

– Ты... Откуда знаешь? – воскликнул он.

– Я, братик, все же приписана к особой сотне, – довольная, что ее план по нейтрализации менторского монолога удался, ответствовала Катька.

– Ну, Михась, об этой романтической истории говорит вся Англия и пол-Европы, – пришел на помощь любимой девушке (а еще друг называется!) brave десятник Разик, который тоже побывал в заморщине.

– И что? – обращаясь к Катьке, нетерпеливо перебил друга Михась.

– Им нужно кое-что уточнить, там какая-то путаница в именах и датах. Они поднимают дополнительные архивные материалы, это займет немало времени.

Михась грустно кивнул, сел на место, низко опустил голову, чтобы никто не видел его лица. Повисла томительная пауза. Катька своим чутким любящим сердцем поняла, что надо срочно отвлечь брата от тяжелых мыслей.

– Тебе, Желток, я привезла кучу приветов от девиц-красавиц! – с чуть заметной иронией задорно воскликнула она.

– Это от кого же? – без особого энтузиазма поинтересовался Желток, который был, в общем-то, достаточно равнодушен к женским чарам.

О нем, веселом и хозяйственном, не так озабоченном карьерой, как Разик, и не таком прямолинейном и резком, как Михась, вздыхало множество девиц в Лесном Стане.

– Ну, перечисление всех имен займет столько времени, что мы рискуем опоздать на вечернюю поверку! – со смехом ответила Катька.

– Ладно тебе, мала еще, чтобы над начальством потешаться. И я, между прочим, еще и твой родственник, хоть и дальний, – проворчал десятник второго десятка первой сотни тайной лесной дружины леших. – Ты вон лучше Разику от себя

привет передай, а то он, бедный, дар речи потерял, лишь на тебя глазеет неотрывно, да вздыхает печально!

– Да уж, родственник: седьмая вода на киселе! А господин десятник первого десятка вовсе не глазеет, а осматривает правильность подгонки моей амуниции, – ответила Катька и обожгла несчастного Разика лукавым взглядом своих ярко-голубых глаз.

– Между прочим, к слову о порядке в амуниции, – пришел на помощь другу наконец-то вырвавшийся из плена болезненных мыслей и воспоминаний Михась. – Начальник всего нашего отряда, сотник Дымок высоко оценил действия авангарда под командой Разика. Так что друга нашего вскоре ожидает благодарность и повышение по службе!

Разик глубоко вздохнул и приосанился. Он действительно откровенно и честно делал карьеру, не без основания чувствуя в себе способность командовать людьми. И успехи по службе, особенно на командирском поприще, одобряемые и ценимые всеми окружающими, составляли предмет его вполне законной гордости. Но вот Катька, в которую он влюбился еще год назад, казалось, не обращает на эти самые его успехи никакого внимания. Данное обстоятельство Разика несколько смущало, поскольку он, не имея опыта в любовных делах, не мог понять, в чем же тут дело. А дело было всего лишь в Катьке, которой еще не пришла пора любить. Катькино отношение к Разику сбивало с толку и Михася, который, несмотря на свой пылкий нрав и романтическую любовь к заморской красавице – леди Джоане, не вполне понимал сестру. Да и может ли кто-либо полностью понять другого человека, если зачастую бывает сложно разобраться и в собственной душе! В общем, Михась, относительно недавно проведавший о чувствах лучшего друга к своей сестре, всячески одобрял и поощрял его, нахваливая перед Катькой.

– Ну да, конечно, – без тени улыбки произнесла Катька. – Никто в Лесном Стане и не сомневается, что Разик – талантливый военачальник, и что он далеко пойдет. В общем, самый что ни на есть завидный жених, – еще более торжественно произнесла она.

А в глазах ее при этих словах прыгали веселые чертики, не замечаемые ни Разиком, ни Михасем, которые остались довольны столь правильными и логичными с их точки зрения Катькиными словами. Лишь один Желток, как лицо незаинтересованное, почувствовал Катькину иронию, но предпочел промолчать,

несмотря на природную склонность к веселому ехидству.

– Михась, расскажи про Джоану, – видя, что брат перестал на нее гневаться, попросила Катька. – Какая она? И правда ли, что ты, чтобы ее спасти, в одиночку уничтожил экипаж пиратского корабля?

Михась сердито засопел, намереваясь отчитать сестру за неуместное, по его разумению, любопытство, но тут вмешался Желток.

– Брехня! – авторитетно заявил он. – Какой там корабль? Михась собственноручно потопил всю пиратскую флотилию!

Ветви яблонь внезапно раздвинулись, и на полянке, в центре которой стоял стол, совершенно бесшумно возник боец особой сотни Фрол.

– Кто это тут из сухопутных смеет рассуждать о пиратах? – с притворным возмущением бросил он Желтку. Подчеркнуто старательно вытянувшись в струнку, он поднес лихим жестом руку к берету и произнес по-английски, обращаясь к Михасю: – Сэр лейтенант, позвольте сержанту королевской флагманской морской пехоты почтительнейше приветствовать вас с сестрицей и ваших благородных друзей!

– Здравствуй, Фрол! – Михась выскочил из-за стола, обнялся с особником. – Садись вот с нами, испей кваску!

– Да рассиживать-то мне особо и некогда, – развел руками Фрол. – Я просто поздороваться пришел. А вот кваску – это с удовольствием!

Он не спеша, смакуя каждый глоток, выпил предложенную кружку, вытер губы извлеченным из кармана шаровар носовым платком, всего около года назад вошедшим в моду при дворе французского короля, где Фролу также довелось побывать (о подробностях своего там пребывания он, естественно, не распространялся).

– Хорош квасок! Где добыли?

– Военная тайна! – буркнул Желток.

– Ну что ж, и на том спасибо, – ответил особник без обиды и вновь обратился к Михасю: – Премного наслышан о твоих подвигах в Вест-Индии. Потом как-нибудь в спокойной обстановке в родном Лесном Стане расспрошу тебя подробненько. А сейчас хочу тебе сказать...

Фрол сделал паузу, обвел глазами присутствующих, а затем продолжил:

– Ну, да тут все твои родные и близкие... В общем, перед самым походом заходил я в наш монастырь к монахам-архивариусам по своим делам, да и спросил заодно, что выяснили они насчет возможности твоей жениться на леди Джоане. Так вот, далеко не все ясно, а посему наберись терпения и жди.

– Спасибо за заботу, Фрол, – вполне искренне поблагодарил особника Михась. – Но я уже об этом знаю: сестренка сообщила.

– Вот как? – удивился Фрол. – Как же ты, Катерина, в монастырский архив умудрилась попасть?

– Ведь я же как-никак приписана к особой сотне! – гордо вскинула голову девушка.

– Ясно, – кивнул Фрол. – Ну, рад был видеть вас всех: знаменитую троицу и примкнувшую Катерину. Прощайте пока, еще не раз встретимся!

Он улыбнулся широкой искренней улыбкой, хотел было уйти, но внезапно остановился и вновь обратился к Михасю:

– Ты, я слыхал, ненавистника моего, дона Эстебана, завалил, который в храмах ихних католических торжественно клялся меня на мелкие кусочки растерзать?

– Было дело.

– И как же ты с ним справился? Дон этот шибко шустрый да живучий был.

– Пулю между глаз ему вогнал, – пожал плечами Михась.

– Мудрый поступок, одобряю! Ну, до встречи, – он поднес ладонь к берету и бесшумно исчез, словно растворился среди яблонь.

Когда Фрол ушел, Желток, слегка обиженный на «сухопутного», хотя это была лишь констатация факта, проворчал:

– А вот я с некоторых пор... Катька, заткни уши!.. не люблю особников.

– Кто ж их любит-то? – поддержал друга Разик, испытывавший глухую ревность к бойцам особой сотни, при которой служила Катька, и не без основания полагавший, что многие особники увивались за девушкой.

– Да нет, – возразил Михась. – Фрол – человек замечательный и боец, каких мало. Я вслед за ним во флагманскую морскую пехоту Дрейка пришел на все готовое. Там после «храброго сержанта Фроула Русса» (Михась произнес эти слова по-английски) у всех нас, его земляков-руссов, была такая репутация, что хоть в испытательных состязаниях не участвуй: и так высший балл поставят. Но не только за силу и ловкость его ценили, а за честность в жизни и надежность в бою. Есть такое понятие: солдатская справедливость. Вот Фрол – он очень справедливый... И особник Лось – тоже замечательный товарищ. Мы когда на нашем корабле в Англию шли, я многому у него научился.

– Ладно тебе, Михась, – поморщился Желток. – У тебя всегда все честные, справедливые и замечательные. Ты еще скажи, что те три рожи (Желток имел в виду особников в черных личинах, или, по-иноземному, – масках), которые нас на рубеже во время двухсотверстного перехода смертным боем били, тоже по-честному поступали!

– Ну, вообще-то, не они нас, а мы их в итоге на том проклятом пригорке размазали в тонкий слой, – уклончиво ответил Михась.

Катька хотела было встрять в разговор старших по возрасту и званию, чтобы поддержать брата, но, слава Богу, ей не удалось нарушить приличия и субординацию. Ветви яблонь вновь бесшумно раздвинулись, и в этом укромном некогда уголке, сейчас все более и более напоминавшем проходной двор, возник новый персонаж, а именно командир отряда Дымок собственной персоной.

– Здорово, орлы!

– Здрав будь, сотник!

– Вольно, бойцы, садитесь, – ласково произнес Дымок. – Как настроение?

– Готовы к выполнению любого задания командования, – ответил за всех Разик.

– В этом не сомневаюсь. А кроме службы, что на сердце лежит?

– Кроме службы в сердцах наших живет еще любовь к начальству, – с явно преувеличенной серьезностью и излишним пафосом произнес Желток.

– Достойное чувство, – усмехнулся Дымок. – Но проявить его в полной мере вам сейчас не удастся, ибо я отвлеку вас всего лишь на минуту.

Сотник вовсе не обиделся на реплику подчиненного, он хорошо знал независимый нрав и острые языки этой троицы. Когда Дымка только произвели вдесятники и поручили командовать учебным отрядом, в котором служили Михась, Разик и Желток, еще не получившие тогда звания строевых бойцов, он не раз лично сталкивался с их проделками. Получив свою первую командирскую должность, Дымок стал слегка, самую чуточку, важничать перед юными дружинниками, частенько с умным видом вещая им свысока прописные истины, за что и поплатился. Однажды ночью троица намазала льняным маслом забор на полосе препятствий, и утром, когда Дымок попытался продемонстрировать своему учебному отряду, как надо преодолевать данное препятствие... Но выходки друзей были умными и необходимыми и никогда не переходили грани, за которой шутка превращается в издевку.

– Так вот, кстати, о любви, – продолжил Дымок. – Михась, должен тебе сообщить, что вопрос о возможности твоей женитьбы на леди Джоане еще не решен. Наберись терпения и жди.

Дымок, конечно же, мог сообщить Михасю сию весть еще сегодня утром, перед тем как они отправились в царский дворец. Но он этого не сделал, и совсем не потому, что забыл. Будучи начальником отряда, сотник считал, что не стоит расслаблять и отвлекать от службы одного из лучших своих бойцов. Какая может быть любовь, когда задача похода не выполнена? – так думал Дымок до сегодняшнего вечера с суровой твердостью настоящего командира. Но один-

единственный взгляд княжны Настасьи перевернул душу отважного витязя, и он, расставшийся с княжной всего-то час назад и уже не находивший себе места от тоски и желания снова встретиться с ней, вдруг с щемящим сочувствием подумал о том, что же должен ощущать Михась, оставивший любимую девушку за тридевятью землями, за синим морем.

– Спасибо, брат сотник, – просто ответил Михась, чувствительно пнув под столом Желтка, который уже открыл было рот, чтобы прокомментировать услышанное в связи с предыдущими событиями.

– Ну, отдыхайте, бойцы, пока возможность есть.

Дымок хотел было сказать о сложности выполняемой задачи, о необходимости постоянной бдительности и боевой готовности, но вовремя остановился. Сотник знал, что как только обстановка станет критически опасной и события начнут развиваться стремительно и неудержимо, и Михась, и он сам, и все остальные бойцы оставят в стороне все личные чувства и переживания, даже самые сокровенные, и будут действовать четко и самоотверженно, как их и учили с самого детства.

Дымок широко улыбнулся всем присутствующим, подмигнул Катьке и почти так же бесшумно, как Фрол, исчез за деревьями, окружавшими полянку.

Друзья некоторое время сидели молча. Желток нарочито демонстрировал обиду, всем своим видом показывая, что Михась пнул его слишком больно и абсолютно незаслуженно.

– Мне вот что любопытно, – задумчиво произнес Разик. – Почему это вся дружина Лесного Стана озабочена только одним вопросом: о чувствах Михася к леди Джоане? А то, что я тоже, к примеру, влюблен, – он бросил красноречивый взгляд на Катьку, – почему-то никого не волнует!

– Ну, ты, Разик, даешь, – пожал плечами Желток. – Во всех русских сказках содержится мечта о принцессе из тридевятого царства. Вот все Михасю и сочувствуют, ибо он воплощает своим примером всеобщую мечту. Хотя нет, о заморской принцессе повествует только половина сказок. В остальных русская девушка мечтает об иноземном принце. Правда, Катерина?

Катька засмеялась, Разик насупился.

– Да мы этих самых принцев в заморщине как траву косили – налево и направо! Правда, Михась?

– Твоя правда, Разик, – поддержал друга Михась, хотя, конечно, насчет «травы налево-направо» было преувеличением, и слегка смягчил формулировку: – Уж наши-то дружинники никакому иноземному витязю ни в чем не уступят, и даже, пожалуй что, еще и превзойдут. А ты как считаешь, Катерина?

– Я девушка молодая, мне еще рано о таких вещах рассуждать, – с притворной скромностью потупила взор Катька. – И вообще, я, как и вы, в боевом походе участвую и одним лишь рвением к службе преисполнена.

– Ладно, братцы, – со вздохом произнес Разик. – Посидели, поговорили, теперь и в расположение отряда возвращаться пора.

Они медленно, наслаждаясь каждой минутой отдыха, прошли через яблоневый сад, вышли на обширный двор перед усадьбой, поросший густой зеленой травой, чистый и ухоженный.

Здесь уже вовсю кипела жизнь, перемещались пешие и верховые, им навстречу строевым шагом проследовала дежурная смена караула в полном вооружении во главе с разводящим. Трое друзей и Катька, как и положено, приветствуя караул, тоже перешли на строевой шаг, отдали честь. Недалеко от блокгауза, в котором располагалась их сотня, Михася окликнули. Друзья обернулись. К ним от отдельно стоящей избы, впрочем, также больше похожей на блокгауз, в которой располагался штаб особой сотни, бежал особник Лось, тот самый, который сопровождал Михася во время его поездки в Англию.

Желток, глядя на приближающегося к ним особника, саркастически хмыкнул и вполголоса произнес:

– Мне почему-то кажется, что сейчас нам по большому секрету будет поведана сногшибательная новость о том, как в недрах монастырских архивов все еще не может решиться вопрос о браке храброго дружинника Михася и прекрасной леди Джоаны.

– Здорово, бойцы! – радостно поприветствовал их особник.

– Здорово, брат особник! – последовал дружный ответ.

– Хочу тебя, Михась, поздравить с благополучным возвращением из заморщины. В Стане-то нам встретиться не довелось, я сам на задании был.

– Спасибо, Лось. Твои уроки, что ты мне на корабле нашем давал, когда мы вместе в Англию шли, мне сильно пригодились впоследствии.

– На здоровье, брат. Да, и еще у меня для тебя есть важное сообщение, твоих личных дел касающееся... – начал было особник.

– Подожди, Лось, – перебил его Михась, видя, что Желток уже собирается съязвить, а Разик, невзлюбивший особников еще больше с тех пор, когда Катьку приписали к особой сотне, тоже собирается к нему присоединиться. – Давай отойдем в сторонку.

– Да у меня, собственно, от твоих-то ближайших друзей и сестры секретов нет...

– Давай отойдем, – Михась буквально оттащил особника к стене блокгауза.

Там он молча, с непроницаемым лицом выслушал сообщение Лося, содержание которого ему было заведомо известно, поблагодарил его, пожал руку и вернулся к стоящим в стороне друзьям.

– Ты, Михась, воплощение кротости и доброты к ближним своим, – произнес Желток, и, как это часто бывало, по его тону невозможно было понять: говорит он это в шутку или всерьез.

– За это его все и любят! – гордо парировала Катька.

Они зашли в блокгауз, где их встретил дневальный и передал Михасю приказ явиться к начальнику особой сотни дьякону Кириллу.

– Не смешно, – развел руками Желток.

Михась резко развернулся на каблуках и вышел из блокгауза.

Дьякон Кирилл сам в молодости был лихим бойцом, а затем по причинам, известным весьма узкому кругу из числа руководителей Лесного Стана, ушел в лесной монастырь. Но через некоторое время после принятия духовного сана он был призван возглавить особую сотню. В том, что монах командовал людьми военными, не было ничего удивительного, ибо так издревле повелось на Руси, что в ряды православного воинства на святое дело защиты родной земли всегда вставали витязи в монашеском одеянии, и многие монастыри становились для врага неприступными крепостями. Кирилл был необыкновенно умен, холодная аналитическая расчетливость сочеталась в нем с удивительным пониманием человеческой натуры, которую невозможно постичь умом, а можно понять лишь сердцем. От пристального взгляда его глаз не ускользало ни малейшее движение души собеседника. Но вместе с тем он решительно и сурово ломал людям судьбу и карьеру или посылал их на верную смерть, если того требовали интересы дела. И никто не сомневался, что Кирилл имеет на это право.

Михась вошел в избу, охраняемую по периметру несколькими особниками, по уставу приветствовал дьякона как воинского начальника.

– Здравствуй, Михась! – Дьякон, да еще и особник, мог себе позволить отступить от уставной формы приветствия и назвать бойца просто по имени. – Присаживайся вот сюда, на лавку.

Михась сел, снял берет.

– Должен сообщить тебе, что дело твое в монастырских архивах...

– Извини, отец дьякон, должен тебя перебить, чтобы ты время не тратил понапрасну. Мне уже все сообщили.

– Ну, тем лучше. Я же хочу тебе сказать, что делается проверка столь тщательная для твоего же блага. В нашем тайном Лесном Стане, как ты сам понимаешь, каждый человек – на особом счету. Ты один отряда вражеского немало стоишь. И потомство твое должно так же умом и силой отличаться. Больных душой и телом триста лет у нас в Стане не было. А европейские роды королевские да графские, когда они на своей же родне жениться начинают, безумием и немощью за полвека под корень подрубаются.

– Все понимаю, отец дьякон.

– Любишь свою принцессу?

– Люблю, – просто ответил Михась.

Дьякон помолчал, а затем произнес то, для чего он, собственно, и пригласил одного из лучших бойцов дружины, который, будучи головным первого десятка первой сотни, призван находиться в авангарде всего отряда и первым грудью встречать любую опасность. От действий авангарда и самого головного зачастую зависит успех боя.

– Может быть, тебе, пока суд да дело, лучше вернуться в тыл? А потом, когда привезешь свою невесту...

Кирилл жестом остановил Михася, который вскочил с лавки, кипя от возмущения, и продолжил:

– Ничего зазорного в моем предложении нет! В Спарте древней, в коей еще святой князь Александр пример для себя черпал, наш Лесной Стан основывая, когда войско отходило, заслоном прикрываясь, в заслон на смертный бой только тех воинов ставили, у которых сыновья уже родились. А неженатые и бездетные молодые спартанцы с войском отступали, чтобы род затем продолжить на благо своей Отчизны. И мы в нашей дружине это правило тоже блюдем, когда возможность есть.

Кирилл помолчал, подождал, пока Михась успокоится.

– И еще вот что хочу тебе честно и прямо сказать, ибо ты только такого обращения и заслуживаешь. Уверен я, что, расставаясь со своей принцессой, обещал ты ей вернуться во что бы то ни стало и лично сообщить весть или радостную, о вечном союзе вашем, или горестную, о вечной разлуке. А для тебя слово твое, долг и честь – всего превыше. И вдруг в бою смертельном ты свое обещание невольно вспомнишь и не о выполнении боевой задачи думать будешь, а о том, как бы себя сберечь?

– Отец особник, – Михась говорил без какого-либо пафоса, спокойно и сурово. – Ты же сам сказал, что долг для меня – всего превыше. В любом бою я только лишь о долге перед Родиной, дружиной нашей и товарищами боевыми думать буду, за них жизнь и отдам. И Джоана меня поймет и простит. Уверен, что она меня таким, какой я есть, и любит, то есть не хитрецом осторожным, а рыцарем отважным. Если доведется мне к ней вернуться, то только так, как мать в той самой Спарте древней сыну своему говорила: со щитом или на щите.

Он смотрел в глаза дьякону, и Кирилл больше не стал ни о чем его спрашивать.

– Ступай, Михась. Прости, коль обидел чем ненароком. Служба такая, сынок.

Михась встал, не говоря ни слова, резким движением поднес ладонь к берету, четко повернулся через левое плечо и вышел из избы.

После ухода Михася Кирилл несколько минут сидел неподвижно, подперев склоненную голову обеими руками. Он по давно укоренившейся привычке прокручивал в памяти и анализировал нюансы только что состоявшейся беседы. Начальник особников и до разговора с Михасем был уверен, что тот даже во имя самой прекрасной любви не будет себя щадить и тем более – прятаться за спины товарищей. Дьякон боялся другого: молодой отважный дружинник, напротив, станет очертя голову кидаться в схватку, чтобы доказать окружающим, что он отнюдь не дрожит за свою шкуру. Взвешенные и спокойные ответы Михася успокоили начальника особой сотни. Кирилл еще раз мысленно похвалил себя за удачный пример из истории древней Спарты, который он привел, чтобы не обидеть собеседника. Этот суровый и жизненно необходимый для существования дружин особого назначения в закрытых городах обычай, когда на верную гибель стараются посылать воинов, уже имеющих сыновей, соблюдался и в Лесном Стане.

Кирилл, как никто другой, хорошо знал всю историю войска леших. Ему было известно, что перед Куликовской битвой князь Дмитрий предлагал воеводе леших поставить всех бойцов Лесного Стана в засадный полк, который из всего русского войска заведомо должен был понести самые незначительные потери. Князь понимал, что одной битвой войны не выиграть. Стоя на вершине небольшого холма на поле Куликовом, проводя военный совет и расставляя полки для предстоящей битвы, Дмитрий, как дальновидный государственный деятель, думал уже и о будущем и хотел сохранить лучшую из лучших своих воинских частей для последующих сражений.

Воевода, к которому обращался князь, с виду совсем не напоминал богатыря. Он был сухощавый, подтянутый и еще совсем не старый, но совершенно седой. Воевода посмотрел в глаза стоящему напротив него князю Дмитрию, затем подчеркнуто перевел взгляд на его доспехи, как будто осматривая амуницию и вооружение простого воина в строю на утренней поверке. Князь действительно был в латах и одежде рядового ратника. Всему русскому войску уже было ведомо, что Дмитрий встанет рядовым в Большой полк, чтобы каждый воин знал: князь где-то рядом, бьется с ними плечом к плечу. И еще Дмитрий хотел избавить войско от случайностей, ибо уже не раз бывало в прошлом, что гибель в битве военачальника, хорошо видимого со всех сторон благодаря блестящим княжеским доспехам, алому плащу и белому коню, приводила к унынию и бегству всей рати.

Воевода Лесного Стана впервые в жизни нарушил субординацию. Он отрицательно покачал головой и твердо произнес:

– Прости, князь, но должен я тебе возразить. Прошу позволить мне поступить иначе. Если конная лава ханская, как бывало уже не раз, сомнет полки наши, дрогнут и побегут ратники, то и засадный полк ничего не решит, да и вообще бесполезен будет. Только если ханская конница в схватке увязнет, а рать наша стоять будет крепко, не ломая строя, удар засадного полка и решит исход всей битвы. То есть в битве у нас две задачи: первая – устоять, первый удар выдержать, вторая – опрокинуть и уничтожить врага. Поэтому дозволь мне большую часть своих дружинников не в засадный, а в передовой полк поставить и самому с ними встать.

– На верную гибель идешь, воевода! Знаешь ведь, что передовой полк – это всегда ополченцы, отважные, но неумелые, на убой выставленные, призванные первый удар погасить да отборных дружинников сберечь!

– Понимаю, князь, но ведь с тебя пример беру, как за Русь-матушку радеть должно. Все предки наши, более века под игом стонавшие, и великий князь Александр, умирая, мечтали, что час такой битвы, как эта, пробьет когда-нибудь. Не имеем мы права проиграть ее. Не должен передовой полк дрогнуть и побежать.

– Спасибо тебе, воевода, поступай, как разум подсказывает и сердце велит.

Они обнялись, воевода легко сбежал с холма, вскочил в седло боевого коня и, с места подняв его в галоп, направился к берегу речки Непрядвы, где в небольшой рощице, отдельно от остального русского войска, располагалась дружина Лесного Стана. Там он спешил и скомандовал принявшему поводья дежурному сотнику:

– Построй дружину.

Рожок пронзительно пропел короткий сигнал, и через минуту дружина застыла стройными рядами на полянке перед рощицей.

Седой воевода чуть дрогнувшим голосом подал команду, слова которой он читал в старинных греческих книгах о великой Спарте:

– Все, у кого есть сыновья, – пять шагов вперед!

Лешие, имевшие сыновей, встали в передовой полк, чтобы помочь ополченцам выдержать самый страшный первый удар неприятеля, не побежать, сменяя своих, и не погибнуть бессмысленно, а уничтожить как можно больше отборных вражеских воинов. Передовой полк poleg весь до последнего человека, не отступив ни на шаг.

Но великая победа в Куликовской битве, добытая ценой ужасающих потерь в русском войске, лишь положила начало освобождению Руси. До полного и окончательного избавления от ига было еще далеко. Прошло всего два года, и хан Тохтамыш по прямому указанию и при мощной поддержке «завоевателя Вселенной» – Тамерлана со стотысячной ордой обрушился на Русь. Уничтожая все на своем пути, орда изгоном, на рысях двигалась к сердцу Русского государства – Москве. Князь Дмитрий Донской, прекрасно осознававший, что большая и лучшая часть русских ратников полегла на Куликовом поле, а многие выжившие еще не оправились от ран, решил обороняться в крепостях, а не искать гибели в поле.

Но и в укрепленных городах ратников для обороны у князя Дмитрия было недостаточно. К тому же ордынцы прекрасно владели искусством штурма крепостей. Еще Чингисхан создал у себя в войске специальное подразделение, куда входили осадные орудия, создаваемые и обслуживаемые в бою, в основном инженерами-китайцами. Но командовал осадным подразделением чистокровный

монгол – Аньмохой, передавший затем по наследству эту великую должность своему сыну. Должность действительно была великой, ибо пожалован был Аньмохой и сын его золотой пайцзой с тигриной головой – знаком высшего сановника в войске Чингисхана. И все наследники чингисхановы, и новый «завоеватель Вселенной» – Тамерлан, конечно же, переняли все лучшее из непобедимого ордынского войска, включая и организацию, и военную технику, иначе не одерживали бы они бесконечных побед над странами и народами. Были в те времена в арсенале ордынских экспедиционных корпусов и вихревые катапульты, вращающиеся во все стороны на опорном столбе, и камнемётные осадные башни, бросавшие не только камни, но и греческий огонь: специальные снаряды с нефтью и порохом – «огненные кувшины» с дистанционными трубками, позволявшими взрывать снаряд непосредственно над целью, многолучные стрелометы-аркбаллисты, пускающие стрелы с пороховыми зарядами на конце. Тамерлан дополнил весь этот грозный арсенал захваченными в покоренных им арабских странах мощными торсионными камнемётами противовесного типа, которые, в отличие от обычных натяжных камнемётов-блид с пращевым захватом, предназначенных для небольших камней определённого диаметра, могли кидать снаряды практически любого размера. Это самое мощное оружие тех веков, позволявшее рушить каменные башни и проламывать стены, на западе получило название «требюше», а на Руси – «пороки». А ещё использовали ордынцы и тараны-черепахи, и боевые повозки, обитые изнутри железными листами.

Князь Дмитрий Донской хорошо понимал, что без активного сопротивления просто отсидеться за каменными стенами от такого врага не удастся, и потому, оставив Москву на попечение митрополита, срочно отправился собирать войско в Кострому, вокруг которой лежали земли с населением, менее всего понесшим потери в недавней великой битве. Князь не боялся обвинений в трусости, которые могли бы прозвучать за его спиной: кто же на Руси не знал, что он всего два года назад встал в Большой полк простым ратником, и как его, заваленного телами поверженных врагов, едва дышащего, отыскивали на поле Куликовом лишь под утро после битвы? Поэтому он не сбежал, а отступил в Кострому, чтобы попытаться подготовить силы для решительного и эффективного удара по врагу.

Там Дмитрия Донского и нашел воевода Лесного Стана, который, получив донесение от собственной разведки, постоянно несшей дозор на границе с Диким Полем, сам, не дожидаясь вызова князя, двинулся к нему со всем личным составом тайной дружины. Только весь этот личный состав насчитывал всего лишь четыре сотни воинов. Лесная дружина, как и вся Русь, ещё не оправилась

от потерь, понесенных на поле Куликовом. И воевода у леших был новый. Седой ветеран сложил голову в передовом полку, зарубив восьмерых всадников из личной гвардии самого Мамая.

Воевода вошел в небольшую палату скромного княжеского терема, четко, по-военному, коротким наклоном головы приветствовал князя.

– Рад тебя видеть, леший, – произнес князь, когда они остались вдвоем.

Дмитрий Донской был одним из немногих, знавших тайну Лесного Стана. Эта тайна, согласно заветам Александра Невского, охранялась от иных русских князей, втягивавших страну в междоусобицы и наверняка захотевших бы использовать дружину Лесного Стана не для защиты внешних границ и укрепления государства, а для достижения личных корыстных целей.

– Спасибо, что без зова явился из своих поморских лесов отдаленных, в трудную минуту поддержал, – продолжил Дмитрий Донской. – Только на сей раз ни у меня рати необходимой нет, да и у тебя, как я понимаю, бойцов не густо.

– Правда твоя, князь, у меня бойцов всего лишь четыре сотни, из них почти половина – мальчишки, коих мы в прежние времена в бой бы ни за что не послали, поскольку еще не всю науку воинскую необходимую они постигли.

– Чем же помочь сможешь, витязь? – с явственным сомнением, но и с затаенной надеждой в голосе спросил князь.

– Год назад мои дружинники, проходившие заморщину в турецких странах, привезли оттуда орудия особые, ценой большой крови добытые. Называют они их «тюфяк», что по-турецки значит трубка. Это труба железная, в вершок толщиной, на станине деревянной прикрепленная. Один конец у нее заплющен, а со второго она забивается зельем китайским, сиречь порохом, запасы которого вместе с тюфяками добыты были. Мы его у себя в Стане делать еще не научились пока, но вот-вот освоим.

– Порох? – переспросил князь. – А, ну да, это зелье, которое ханы в огненные кувшины с земляным маслом – нефтью, добавляют, когда греческим огнем города осажденные забрасывают. Слышал я про него. Так что, эти трубки с порохом на головы неприятелей со стен сбрасывать следует? А чем же тюфяк

сей огневого кувшина лучше?

– Нет, князь, не сбрасывать. Вот смотри, – воевода достал из-за пазухи пергаментный свиток, развернул на столе перед князем. – Это чертеж тюфяка в разрезе. Видишь, это слои пороха в трубке, а разделяются они камнями, плотно забитыми, сиречь запыженными. Слов таких шесть. А по центру трубки пропущен фитиль. Тюфяк открытой стороной, дулом называемой, ибо через нее дует огонь с камнями, направляют на неприятеля. Фитиль горит, порох полыхает и с громом камни выталкивает. Летят они на двести шагов, все на своем пути круша и убивая. Шесть выстрелов подряд тюфяк делает. Он любого камнемета-порока во сто крат легче, а стреляет камни дальше и точнее. Тюфяки я эти, у нас в Стане по турецким образцам изготовленные, с собой привез. И запасы пороха к ним имеются, а камни мы на месте подготовим нужного размера да формы. Коли прикажешь, князь, то я размыслов своих, коих бойцы мои по-иноземному инженерами кличут, да стрелков-огнеметчиков с огнестрельным снарядами, то бишь с тюфяками этими, в Москву отправлю. Пусть ханов со стен огненным боем громят. Дам им еще сотню дружинников в помощь и прикрытие. А сам с оставшимися тремя сотнями пойду хана встречать. Надеюсь, что смогу нанести ему урон ощутимый.

Князь поднялся, вышел из-за стола, обнял воеводу:

– Спасибо, витязь! Вижу, что не оскудела и никогда не оскудеет Русь богатырями и героями. Действуй, братец! Если мы врага под стенами Москвы задержим хоть ненадолго, да урон ему ощутимый нанесем, то и рать, мной сейчас собираемая, будет иметь возможность в поле орду отразить окончательно. Коль с нами Бог, то кто же на нас?

А тем временем орда под предводительством Тахтомыша неотвратимо накатывалась на Москву, легко подавляя по пути разрозненное сопротивление немногочисленного русского ополчения. И вот уже между ордой и Москвой осталась лишь горстка дружинников из укрытого в неведомых поморских лесах тайного воинского стана. Половину из трехсот дружинников составляли мальчишки, еще не прошедшие итоговых испытаний, не набравшиеся новейшего боевого опыта в заморщине. (Почти через шесть с половиной веков точно так же будут брошены в бой на защиту Москвы курсанты военных училищ.) Что могли сделать эти три сотни против сотысячного войска?

Они смогли сделать то, для чего создавал особую дружину, готовил и наставлял их через века великий князь Александр Невский.

В самой середине огромного ордынского войска, под охраной двух тысяч лучших бойцов Тамерлана, которых он специально прислал своему сателлиту, выделив из личной гвардии, двигалось осадное подразделение инженеров – катапультиров и огнеметчиков. Самых громоздких осадных машин, которые просто рассыпались бы от перемещения на сколько-нибудь значительное расстояние, не говоря уж о черепашьей скорости движения, в подразделении, естественно, не было, как не было их никогда в кочевых стремительных войсках Чингисхана и Тамерлана. В составе осадных инженерных подразделений в походах двигались лишь легкие боевые повозки, обшитые изнутри железными листами, и в них находились особо ценные незаменимые элементы: хитроумные железные детали механизмов катапульти, части которых подгонялись друг к другу с особой точностью, на что были способны лишь особо одаренные кузнецы, и были в тех повозках специальные кунжутные веревки, служившие для натяжения огромных противовесов, и компоненты греческого огня – нефть и порох в особых сосудах. И еще в повозках, защищенные от случайной стрелы, сидели инженеры, которые могли уже на месте, под стенами осажденного города, руководить постройкой самих машин из привезенных с собой незаменимых элементов и подручных материалов – дерева, кожи и камня, каковые всегда в избытке можно было добыть непосредственно в районе осады.

Бесконечная колонна ордынских всадников втянулась в густой подмосковный лес. Лесная дорога была узкой, кустарники и деревья подступали к ней вплотную. Ордынцы держали оружие наготове, опасаясь внезапного нападения из этого столь ненавистного им, коренным степнякам, леса. Специальные отряды боевого охранения двигались, вернее – пытались двигаться напрямик по лесу, по обе стороны от дороги. Однако в лесу они были глухи и слепы и вряд ли видели хоть что-нибудь дальше собственного носа. Эти горе-дозорные могли наступить на голову замаскировавшегося лесного воина и не заметить его. Собственно, именно так и произошло: ордынское боевое охранение прошло буквально над головами затаившихся в специальных ямах-схронах, укрытых жердями и дерном, дружинников Лесного Стана. Не заметили они и других леших, прятавшихся в густых кронах высоких деревьев, не увидели и аккуратно подпиленных стволов, на которых подпилы были искусно заделаны сверху лишайником. Как только вереница закрытых повозок, скрывающих в своем обитом железом нутре святая святых ордынской осадной мощи уникальные металлические детали, кунжутные веревки, нефть с порохом и инженеров,

умеющих приводить все это в действие, втянулась в подготовленную ловушку, пронзительно засвистала-защебетала неведомая птица. И почти сразу спереди и сзади повозок, отсекая их от охраняющей Тамерлановой гвардии, на дорогу рухнули толстые стволы вековых деревьев.

– За Русь, за нашу дружину – вперед!

Цепочка одиночных всадников, прикрывавшая повозки с боков, была сразу же уничтожена стрелами из самострелов. Основные силы дружины – строевые бойцы-лешие – встали в заслон на завалах из деревьев, приготовившись встретить неминуемую и страшную атаку разъяренной охраны осадного инженерного подразделения. Лешие понимали, что, кроме выполнения священного долга по защите Отечества, они непосредственно прикрывают своей грудью мальчишек, которые еще не получили звания строевых бойцов и были вызваны из учебного отряда и брошены в эту схватку лишь по крайней суровой необходимости. Мальчишки должны были уничтожить повозки со всем содержимым. Воевода решил, что выполнить эту задачу будет гораздо легче, чем сдержать бешеный натиск отборных головорезов, покоривших полмира. И затем юные дружинники смогут невредимыми уйти в лес, где их уже не достанет все Тохтамышевое войско вместе взятое.

Инженеры, приданные Тохтамышу в набег на Русь из войска Тамерлана, в основном – китайцы и арабы, были непривычны к рукопашным схваткам и полностью уверены в своей безопасности и безнаказанности. Участвуя в покорении десятков стран, эти прекрасно образованные и гордящиеся своим умом и творческим даром катапультиеры, огнеметчики и фортификаторы, создатели таранов и осадных башен, не получили ни единой царапины, убивая и разрушая с безопасного расстояния, находясь в надежном кольце охраны личной гвардии самого Тамерлана. И теперь, привлеченные необычным шумом, наконец-то внесшим, по их мнению, желаемое разнообразие в монотонную скуку похода, инженеры беззаботно высунулись из своих хорошо защищенных колесниц. Короткие черные стрелы и длинные, изящно изогнутые клинки сабель русских дружинников прервали триумфальное шествие этих завоевателей Вселенной по развалинам горящих городов. Но повозки с металлическими запчастями, спецверевками и компонентами горючей смеси стояли все еще невредимыми. Вдобавок к железным листам, которыми их вместительные кузова были обиты изнутри, повозки сверху были окованы цепями, запертыми на огромные висячие замки. Саперные топоры юных дружинников не могли сокрушить эту защиту. А впереди и сзади от вереницы повозок, над стволами поваленных деревьев

кипела смертельная схватка заслонов леших с вдесятеро превосходящим их по численности противником.

Конечно, можно было ограничиться уничтожением инженеров, выйти из схватки и скрыться в родном лесу, спасая свою жизнь. Но кто знает: вдруг в огромном войске найдутся еще умельцы, не столь профессиональные, но вполне опытные, чтобы собрать эти разрушительные смертоносные машины и привести их в действие против русской столицы? Боевая задача должна быть выполнена до конца!

– Рубить построшки, разгонять лошадей, повозки сдвинуть вместе, затем – зажечь! – зычный голос старого сотника – командира учебного отряда – перекрыл шум боя.

У дружинников были с собой два огневых кувшина с греческим огнем, но этого было слишком мало, чтобы сжечь весь осадный инженерный караван. Они надеялись, что, захватив повозки, найдут там зажигательные запасы противника и, воспользовавшись ими, спалят все и вся. Но эти запасы оказались воистину спрятанными за семью замками, и неизвестно было, в каких именно повозках находятся нефть и порох.

Уворачиваясь от копыт беспорядочно мечущихся лошадей, часть которых пыталась проломиться сквозь густой кустарник на обочинах и уйти в лес, дружинники стали сдвигать повозки вместе, затем подожгли их с двух краев. Боевые колесницы ордынского войска горели нехотя и лениво. Юные дружинники окружили их живым кольцом, приготовились встретить гвардию Тамерлана, которая уже почти смяла оба заслона леших на завалах. Внезапно прогремел сильный взрыв и над одной из повозок, находившейся в арьергарде колонны, взметнулся высокий столб яркого пламени. В этом пламени сгорели дружинники, прикрывавшие повозку своими телами. Однако оставшимся в живых не было времени скорбеть о погибших товарищах, ибо и им оставалось жить лишь до следующего взрыва, и нужно было успеть подкатить оставшиеся повозки поближе к этому адскому огню, пылавшему на лесной дороге, чтобы полностью уничтожить все детали осадных машин. Задыхаясь в дыму, пахнувшем сгоревшими людьми и лошадьми, не обращая внимания на тлеющую на них одежду, мальчишки толкали и толкали повозки в огонь, и в этом был высший смысл их короткой, как взрыв, и яркой, как пламя, жизни. Закончив свою работу, они не бросились в лес, а вновь встали живым кольцом, вернее редкой цепочкой вокруг пылающих повозок, крепко сжав в обожженных руках рукояти

сабель, приготовившись до конца отражать нападение прорвавшихся сквозь заслоны врагов.

Вторым и третьим взрывом накрыло их всех. Они умерли непобежденными, так и не выпустив из рук плавившихся в огненном вихре клинков.

Тохтамыш не взял Москву приступом: ему нечем было крушить кремлевские стены. (Впоследствии историки, начиная с Карамзина, будут теряться в догадках: почему у орды, отправившейся в набег на русскую столицу, не оказалось осадных орудий?) А еще с этих самых кремлевских стен басовито рявкали страшные тюфяки, выкашивая градом каменной картечи целые ряды ордынской конницы... И если все же Тохтамыш вошел потом в Москву, то случилось это вследствие предательства князей суздальских, открывших орде ворота стольного града, а не по вине сгоревших заживо на лесной дороге дружинников.

...Дьякон Кирилл был совершенно уверен в мужестве, стойкости и отваге дружинников Лесного Стана, даже самых молодых, таких как Михась и Дымок.

Боевая четверка – дозорная группа леших не спеша двигалась по пыльной московской улице. Михась и шедшие чуть сзади и сбоку бойцы были привычно собраны, каждый быстрым и цепким взглядом непрерывно обшаривал свой сектор ответственности. Кроме того, необходимо было смотреть себе под ноги. Улица вся была в колдобинах, в которых скапливался разнообразный мусор: щепки, тряпье, еще Бог знает что, куда совсем не хотелось наступать. Лишь кое-где под покосившимися заборами и плетнями яркими пятнами зеленела трава. Это была небогатая плотницкая слободка, мужики из которой ходили на заработки в другие – зажиточные части столицы или вовсе в окрестные села и городки. Удивительно, что слободка славилась относительным спокойствием и отсутствием воровских дел: лихие люди ее избегали. Именно по этой причине лешие зашли сюда впервые за неделю патрульной царской службы. Причем зашли они не столько для того, чтобы прижать отсутствующих разбойничков, сколько с целью познакомиться со слободским стражником, который, судя по информации, сообщенной особниками, этот самый порядок и навел.

Государева служба леших, вопреки опасениям Дымка и Ропши, пока протекала без потерь и других неприятных неожиданностей. Буквально на следующий

день после царского приема лешие через внедрившихся в город переодетых особников определили места застав и участки дозоров и приступили к в общем-то привычному и несложному занятию по охране и обороне. Днем на заставах было спокойно. Несколько раз задерживали подозрительного вида молодцов, которых сдавали московской страже. Стража эта была немногочисленной и днем преимущественно спала или считала ворон на своих заставах, зато ночью пряталась. Ночью в кривых и тесных улочках столицы кипела бурная жизнь, обозначавшая себя приглушенными или яростными криками, звоном железа, глухим стуком ломаемых ставен или ворот. Группы леших с застав, ведомые освоившими город особниками, мчались в направлении шума и практически всегда имели богатый улов. Быстро и надежно повязанные молодцы только хлопали от неожиданности глазами и удивленно матерились. Особники проводили короткие допросы, после чего пленных препровождали в стражницкий приказ. Начальник особой сотни, дьякон Кирилл, заносил результаты допросов в секретные свитки и почему-то с каждым днем становился все более задумчивым и хмурым, что, впрочем, замечали всего несколько сведущих людей.

В отличие от застав, дозорные группы леших, сопровождавшие обозы по окрестным дорогам, не скучали и днем. У них пленных было меньше, зато трупов – больше. В скоротечной сшибке, когда находишься в роли атакованного, остается только валить нападающих и лишь затем вязать оставшихся, если таковые, конечно, еще окажутся. Но к концу недели нападения на обозы, сопровождаемые лешими, прекратились как по команде. Дьякон Кирилл отметил это в своих записях и доложил Дымку мнение о необходимости собрать военный совет.

На военном совете дьякон продемонстрировал чертеж, изображающий во времени и пространстве нападения внутри города и в его окрестностях, а также перемещения застав, секретов и дозоров леших. Демонстрацию чертежа он сопровождал подробными объяснениями, из которых следовало, что, во-первых, в большинстве своем действия разбойных ватаг выглядят как согласованные, во-вторых, с некоторых пор о перемещениях леших им становится заранее известно. Допросы пленных ничего не дали: попадалась, в основном, шелупонь, которая ничего не знала. Все истории выглядели стандартно: намедни пил в кабаке, подсел и мужички, угостили, сдружились, предложили взять добычу... Таким образом, продолжение прежней тактики не имело смысла. Назрела необходимость перекрыть утечку сведений о наших действиях и попытаться нащупать головку разбойного люда, столь хорошо организованного и многочисленного. И для этого следовало опереться на местные силы, которые

доподлинно знали обстановку и готовы помочь.

Дымок, давно готовивший тайную встречу с митрополитом, согласно кивнул. Ропша также согласился с выводами дьякона, со вздохом посетовал на свою старость и неумелость, поскольку в таких делах, как ловля разбойников, он сроду не участвовал и учиться ему уж, пожалуй что, поздно. Однако он слышал краем уха, что есть в Москве человек, который может подсобить: стражник плотницкой слободки Степа. О его храбрости и честности ходили среди простого московского люда многочисленные легенды. Решено было отправить к нему для начального знакомства не особников или десятников, а кого-нибудь из лихих бойцов, с которым Степа, судя по рассказам о нем, быстрее нашел бы общий язык.

По пустынной улице, по которой Михась с бойцами шел для встречи с местным стражником, бодрой рысью навстречу им вылетел малец лет десяти-двенадцати, оседлавший хворостину, в дерюжной рубахе навыпуск и частично целых портках из аналогичной материи. Увидев увешанных оружием незнакомцев в иноземном одеянии, он резко остановился, разинул рот и вытаращил на них круглые глазенки.

– Здорово, дружинник! – приветствовал его Михась, остановившись и привычным жестом поднося ладонь к берету. – Как служба?

Малец не отвечал, заворуженно уставившись на леших.

Михась присел так, чтобы оказаться вровень с малышом, улыбнулся, по-свойски подмигнул:

– Слышь, боец, мы дозорные, царевы слуги, ищем стражника Степу. Будь другом, проводи нас к нему.

По-видимому, знакомое имя и улыбка Михася возымели положительное действие на мальчугана. Он обрадованно закивал, ответил чистым звонким голоском:

– Пойдемте, дяденьки, он туточки живет, рядышком!

Потом перевел взгляд на торчавшую над правым плечом присевшего Михася рукоятку сабли, наискось висевшей у него за спиной. Робко протянул руку, коснулся пальцем стального набалдашника в форме клюва, провел по стержню, обмотанному почернелой буйволово́й кожей, перехваченной спиралью из толстой витой серебряной проволоки, погладил гарду, покрытую изящной насечкой.

Михась по-дружески похлопал его по плечу:

– Успеешь еще, брат, в эти игрушки наиграться... Пойдем-ка к Степе: служба не ждет!

Дом стражника располагался за высоким забором из широких, потемневших от времени плах. Над забором густо свисали ветви яблонь с еще маленькими зелеными завязями. Малец ухватился за кованое железное кольцо, висящее на калитке, смело постучал. В глубине двора скрипнула дверь избы или сарая, послышались твердые быстрые шаги, и калитка распахнулась. Степа был высок, широк в плечах и, может быть, чуточку тучен. Его белокурые, слегка рыжеватые волосы были по-казацки коротко пострижены в кружок, вислые усы тоже, пожалуй, напоминали о лихих запорожцах. В первое мгновение Михасю показалось, что он его где-то уже видел, затем это мимолетное ощущение ушло: кого только Михась не встречал на своем коротком, но бурном веку! Увидев леших, стражник напрягся, его лицо слегка покраснело, брови сдвинулись. Но он без колебаний шагнул вперед, по-хозяйски встал перед четверкой, посмотрел в упор сначала на Михася, затем на каждого из бойцов.

– Кто такие? – сурово спросил он.

– Дружинники боярина Ропши, поморы, назначены государем в дозор по Москве, – четко доложил Михась.

Степа еще раз пристально осмотрел леших, посторонился:

– Заходите в избу, дружинники, гостями будете.

По деревянной дорожке, окруженной грядками с невысокой еще зеленью, они прошли в крепкую пятистенку, сложенную из удивительно огромных даже для изобильной лесом местности бревен. В избе было чисто, уютно, выскобленные

полы устланы домоткаными половичками, печь аккуратно выбелена. На стене на колышках висела большая тяжелая сабля в потертых ножнах, скорее напоминавшая меч. Рядом с ней стояла старая пищаль угрожающих размеров, которая вызвала у леших затаенную профессиональную усмешку. В уголке под образами за прялкой сидела пожилая женщина: мать Степы. Он не был женат, отец давно погиб, о братьях и сестрах сведений у леших не было. Старушка не спеша поднялась навстречу гостям, взглянула строго и чуть вопросительно. Когда лешие, сняв береты, перекрестились на образа в красном углу, степенно им поклонилась.

– Маманя, встречай гостей: дружинников-поморов.

– Здравствуйте, гости дорогие, проходите к столу, – сильным, глубоким голосом произнесла старушка и пошла собирать угощение.

Лешие и Степа сели на широкие скамьи, дождались, пока мать поставит на стол чашки, кринку с медовухой, миску моченых прошлогодних яблок, ржаной каравай.

– Здрaвы будьте, дружинники!

– И ты будь здрав, страж московский!

Выпили, помолчали.

– Мы к тебе, Степан, за советом. Поставил нас государь в дозоры да разъезды. Дело для нас новое, Москвы не знаем, так что после недельной службы появились вопросы без ответов. Выловили мы всякую шелупонь, но толку нет: главные разбои в стороне, в обход наших застав и дозоров делаются. Ты человек опытный, в слободке твоей порядок удивительный, не подскажешь ли, как нам лучше царев приказ исполнить?

Степан сидел, откинувшись спиной к печке, чуть опустив голову, и сосредоточенно разглядывал опорожненную чашку из-под медовухи, которую вертел в левой руке.

– А что ж ко мне-то идете с вопросами, хлопцы-молодцы? Неужто друзья ваши, опричники, не вразумят вас, царевых слуг усердных, советом да указанием?

Михась задумался. Он почувствовал в словах Степы какой-то подтекст, может быть, скрытый вызов, но пока причина явно недоброжелательного отношения стражника ему была не ясна.

– Да мы к ним, вообще-то, пока не обращались... – начал он.

Тут внезапно послышался настойчивый стук в калитку. Степан мгновенно вскочил, бросился открывать. Лешие тоже поднялись, подошли к воротам. Запыхавшийся мужичок, возбужденно размахивая руками, скороговоркой сообщал стражнику о произошедшем где-то неподалеку лихом деле.

– Николька-Каин, собачий сын, намедни из острога вернулся... Вечор загулял, конечно. А сегодня наутро, гад, пошел в кузню, к Селивану, где раньше работал... Селиван-то его до острога еще выгнал вон за баловство... А сейчас он с подмастерьями на заработках. Так Каин – чтоб ему! – замок сбил, громит все в кузне с грохотом адским, поджечь грозит... В такую погоду ведь слободка вся как ни на есть сгорит!!!

Степа, без слов отстранив мужичонку, бросился из калитки на улицу. Мужичок помчался за ним, крича вдогонку: «Саблю, сабельку-то захвати! Каин совсем озверел ведь!»

Лешие, как по команде, плавным бесшумным бегом устремились вслед за стражником, почти сразу догнав его и как бы прикрыв сзади и с боков. Кузня оказалась недалеко. Вокруг нее толпились несколько мужиков, в стороне голосили бабы, плакали ребятишки. Одна из половинок широкой дощатой двери была выбита и валялась на земле, вторая косо висела на одной петле. Из сумрака дверного проема раздавался грохот и нечленораздельный рев. Уже пахивало дымком.

– Что стоите, мужики? – крикнул собравшимся перед кузней Степа.

– Так тебя дожидаемся! Самим-то как же: и кузня чужая, и Каин-душегуб не посмотрит, что земляки...

Степан бросился в проем. Михась попытался удержать его за плечо.

– Может, застрелить? – Он положил руку на висевшую на поясе пистоль.

– Отойди, дружинник! Не твоя забота! Вам бы только казнить! – с неожиданной злостью выкрикнул Степа, отстраняя Михася. И скомандовал: – Мужики, за мной!

Несколько мужиков кинулись за Степой, отвалив в сторону оставшуюся половину двери. Через расширившийся проем Михась увидел здоровенного детину в разорванной рубахе, с всклокоченными волосами. Он стоял в полный рост, повернувшись ко входу, широко расставив ноги и сжав кулаки. Вокруг него царил невероятный хаос: вывернутые из колод тяжеленные наковальни, которые и вчетвером-то с места не сдвинуть, обрушенные стропила, разбросанный инструмент и заготовки. Увидев Степу, он судорожно оскалился.

– А-а-а, это ты! Наконец-то!!! – каким-то утробным неестественным голосом прорычал Каин, брызгая слюной.

– Здорово, Каин!

Степа не останавливаясь в три шага долетел до Каина, с ходу левой рукой вмазал ему отвлекающий удар по глазам и одновременно – правой поддых. «Молодец!» – с профессиональным уважением одобрил этот незамысловатый, но эффективный прием Михась. Каин согнулся пополам, опустился на колени, одной рукой держась за живот, второй опершись о земляной пол.

– Ты что ж, злодей, слободку мне спалить хочешь? – звонко-яростным голосом выкрикнул Степа.

Каин не отвечал, опустив голову и судорожно хватая ртом воздух. Затем рука его медленно потянулась к валявшейся на земле здоровенной железяке. Степа наступил на железяку, взял правую руку громилы, заломил.

– Федор, подсоби! – обратился он к одному из вбежавших с ним мужиков.

Тот ухватил Каина за левую руку, завел за спину. Вдвоем они подняли детину с колен, поставили на ноги. Каин повернул голову к держащему его Федору.

– Отцепись! Отпусти, кому говорю! – с ненавистью произнес он сквозь судорожно сжатые зубы. И затем, следуя непонятной логике замутненного рассудка, обратился как бы за помощью к Степе: – Скажи ему, пусть отцепится! Это наше дело!

Федор, будучи человеком явно непривычным к скоротечным сшибкам и отвлекающему словесному давлению, слегка растерялся и, по-видимому, ослабил хватку. Каин взревел, судорожно рванулся, вмиг разбросал и Федора, и кинувшихся на выручку мужиков, устроивших свалку и только помешавших Степе предпринять что-либо уместное. По-прежнему стоявший у дверного проема Михась увидел, как Степа, не устояв на ногах, вместе с несколькими мужиками оказался на полу. В руках орущего Каина оказался тяжелый кузнечный молот. Михась видел, как молот взвивается в смертельном замахе над головой лежащего стражника, понимал, что выстрелить или метнуть нож уже не успеет, и стоит он далековато, но тело уже действовало независимо от сознания. Он еще как бы стоял в дверях, с ужасом ощущая свое бессилие и промашку – надо же так оплошать! – но одновременно распластался в отчаянном невероятном прыжке. Толком не сгруппировавшись, оттолкнувшись не с той ноги, он все же сумел дотянуться до молота, тяжестью тела увел его в сторону и шмякнулся плашмя, без подстраховки руками, в хаос разнообразных железяк. Что-то острое впилось в бок, в глазах на миг потемнело. Преодолевая боль, он почти сразу вскочил, привычно переместился в сторону от предполагаемого противника, попытался принять боевую стойку, оценить ситуацию.

Собственно, оценивать было уже нечего. Последовавшие за ним бойцы прочно прихватили буяна, обездвжили. Степа поднялся с земли, отряхнулся, задумчиво пошевелил носком сапога молот, валявшийся в пыли.

– Раздобудьте по-быстрому телегу, повезу гада обратно в острог, чтоб там ему сгинуть на сей раз! – сказал он мужикам, затем подошел к Михасю: – Спасибо, помор!

– На здоровье! – Михась слегка поморщился от боли, взглянул на свой набухающий кровью бок и произнес с плохо скрываемой обидой и раздражением: – Что ж ты, Степа, погибель сулишь злодею, а пристрелить его, чтобы людьми не рисковать, не дал?

– Я страж московский, а не палач кремлевский! Так и передай друганам своим, опричникам! – Степа резко повернулся и зашагал вслед за мужиками,

волочащими бесчувственного Каина.

Михась уходил из слободки в порванном, измазанном сажей обмундировании, с кровоточащим боком, так и не поняв, в чем, собственно, причина настороженно-враждебного отношения стражника, который, судя по всему, был человек что надо. На душе было скверно от невыполненного задания, от промашки в простейшей схватке. К тому же он заметил, что у одного из пистолей от удара при падении перекосило замок. Пистоль был любимый, хорошо пристрелянный, и неизвестно, как он поведет себя после починки. «Лопух ты, а не леший! Чмо болотное!» – с горечью думал про себя Михась. Как назло, в усадьбе навстречу Михасю, спешащему с докладом к дьякону Кириллу, попалась Катюха. Увидев брата, она тихо ойкнула, хотела кинуться к нему. Михась остановил ее суровым взглядом, оправил, как мог, рваное грязное обмундирование и излишне бодро взбежал на крыльцо.

Дымок только что вернулся от князя Юрия. Понятно, что он ездил исключительно по делу, для того чтобы обсудить с князем последние события. Княжна Анастасия была здесь совершенно ни при чем. Да он о ней и не думал. То есть практически постоянно, лишь только позволяла служба, Дымок внушал себе, что не надо думать о княжне. Он удвоил нагрузку при упражнениях, проводил непрерывные совещания с Ропшей, десятниками и особниками. Помогало все это плохо. В момент совещаний, упражнений и других служебных дел он действительно сосредоточивался на непосредственно нужном, но стоило ему слегка разгрузиться и отвлечься, перед его мысленным взором возникал щемящий душу милый образ, заслонявший собой все вокруг. И Дымок садился на коня, на ходу изобретая повод для поездки к князю. Ропша переглядывался с дьяконом Кириллом, и оба обменивались понимающими добрыми улыбками. Поскольку никаких признаков того, что сотник мог завалить службу, и в помине не было, любовь была его личным делом, которому можно только позавидовать.

Однако сейчас дьякон и боярин с нетерпением ждали Дымка, и если бы он задержался хотя бы еще на четверть часа, отправили бы за ним гонца. Дымок зашел в горницу уже собранным и сосредоточенным, хотя в его глазах еще теплились искорки счастливого чувства.

– Ну что ж, командир, – без предисловия начал Кирилл, – у Михася пока ничего не получилось, стражник на разговор не идет. Теперь вся надежда на тебя. Сегодня моим людям удалось незаметно подойти к митрополиту. Ночью он тебя

ждет. Особники проводят и подстрахуют. Пойдешь в рясе, оружие на виду держать нельзя: ночью мы наблюдение не засечем и не перекроем. Оденься прямо сейчас, попривыкни, поупражняйся, как будешь подол заворачивать да пистоль с ножом выхватывать в случае чего. Заставы подтянем поближе к вашему маршруту следования. Сигнал о помощи – обычный, нашим свистом.

Дымок молча кивнул, повернулся и пошел в отдельное строение, специально выделенное в глубине усадьбы для особников.

Когда одетый в рясу Дымок после довольно долгого, но благополучного путешествия по ночному городу наконец был проведен молчаливым незаметным монахом в келью, где его ждал митрополит Филипп, скромный свет одинокой свечи, стоявшей на столе перед архипастырем, показался сотнику нестерпимо ярким, и он на секунду зажмурил глаза, уже привыкшие к темноте.

– Ну, здравствуй, сыне. – Голос митрополита был тихим и безмерно усталым.

– Здравствуй, владыко! Земной поклон тебе от игумена нашего Всесвятского монастыря лесного. Прибыли по твоему письму. Приказывай, отче!

Филипп, в недавнем прошлом игумен Соловецкого монастыря, произведенный без его воли непонятным капризом Иоанна в митрополиты, был одним из немногих людей на Руси, кто осмеливался поднимать голос против творящегося в стране произвола. С юных лет посвятивший себя праведному и беззаветному служению Богу, он пользовался огромным уважением и доверием как среди паствы, так и среди пастырей. Неоднократно встречавшийся с игуменом лесного монастыря, он, по-видимому, в общих чертах знал, или догадывался, кто такие лешие и чем они занимаются в закрытом от всего мира Лесном Стане.

– Знаешь ли ты, сыне, что происходит в отечестве нашем в последние годы, что творится в Москве-матушке и пригородах с городками? – Митрополит поднялся, подошел к Дымку, пристально посмотрел ему в глаза.

– Расскажи, отче. – Дымок не стал умничать. Он понимал, что Филиппу известно гораздо больше, чем ему, простому сотнику из Лесного Стана. К тому же Дымка интересовали не только сами события в государстве, но, в первую очередь, мнение о них митрополита. Как и всякий леший, он привык мгновенно оценивать

при встрече телосложение человека, прикидывать его силу и ловкость. Люди, в которых не чувствовалось телесной мощи, отсутствовала пружинистая собранность и мягкая быстрота движений, вызывали у него жалость и недоумение. Митрополит явно не принадлежал к категории лихих бойцов. Его совсем не атлетическая, чуть сгорбленная фигура свидетельствовала о малоподвижном образе жизни, в котором нет места воинским упражнениям или тяжелому ручному труду. Однако высокий лоб, темные глаза, в глубине которых светился ровный огонек веры, резко отличавшийся от лихорадочного блеска, присущего фанатикам, его манера стоять, движение рук, благословляющих ближних своих, – все это придавало Филиппу столь значительную силу одухотворенности, что Дымок практически сразу ощутил особую гармонию и праведность митрополита, проникся безграничным уважением и доверием к нему.

– Одному Богу известно, по какой причине почернела душа государя нашего. Ополчился он не на врагов внешних, а на свой же народ. Грех и беззаконие стали законом для него и ближних его – опричников, коих народ именует кромешниками: из ада кромешного посланы они нам за прегрешения наши перед Господом. Пять тысяч злодеев подлого роду-племени разместил царь возле себя, включив в дружину лютую. Казни, погромы, разорение мирных граждан и славнейших родов боярских, коими всегда крепка была Русь, непрерывной чередой кровавой следуют. Князя Федора якобы за заговор прямо при всем дворе царь, издеваясь, посадил на трон свой, а затем с него свергнул, ножом в сердце ударив. Растерзали тут же почтенного заслуженного старца кромешники лютые. Князя Петра Щенятева, в келью монастырскую ушедшего, на сковороде жгли, иглы под ногти забивали, рассекли затем на части и его, и жену, и детей-младенцев! Воеводу, князя Ростовского в церкви схватили, голову отсеки, принесли царю, он пинал ее ногой со смехом злобным. Князя Владимира Андреевича, с супругой его, Евдокией, родом княжной Одоевской, заставил выпить чашу с ядом на пиру, наблюдая и радуясь затем их терзаниям и смерти. Призвав боярынь и служанок добродетельной княгини, царь указал на трупы хозяев, велел плюнуть на них, тогда обещал даровать жизнь и милость. Сии юные жены, вдохновенные омерзением к злодейству, ответили единогласно: «Мы не хотим твоего милосердия, зверь кровожадный! Гнушаемся тобой, презираем!» Тогда предал он их позору неслыханному: велел раздеть, надругаться и расстрелять!

Дымок почувствовал, как по телу пробежал внезапный озноб, достигший корней волос, сердце его застыло от ужаса и омерзения. «Анастасия! Настенька!» – милый образ слился в кошмарном видении с образами юных, бесстрашных

девушек, погибающих от рук палачей. Он сжал кулаки, вскинул голову.

– Отче! – крикнул он. – Только скажи! У меня три сотни леших, раздавим гадов, мокрого места не останется!

– Нет, сыне! Подняв руку на царя законного, посеет мы великую смуту в государстве. Вспомни, как еще совсем недавно распри боярские раздирали Русь на части, и становилась она легкой добычей врагов многочисленных. Кто хотел властвовать, тот и рвался к престолу, покрывая путь свой жертвами людскими. Только лишь три поколения как передается у нас власть государственная по праву престолонаследия. С благословения Всевышнего, помазанник Божий восседает на троне. Это порядок, который есть основа любой государственности. Плохо ли, хорошо ли протекает жизнь государственная, но осуществляется она по закону, всем известному, раз и навсегда действующему, который никто оспорить не смеет. Знаком ли ты с книгами древними, греческими и латинскими?

Дымок кивнул.

– Тогда знать должен изречения, кои гласят, что закон суров, но он закон! И иное важное: пусть рухнет мир вокруг, но царит закон. Предвижу я, что как только на Руси дерзнут нарушить порядок престолонаследия, станут царей избирать по хотению человеческого, а не по воле Божьей, прольются такие реки крови людей русских, что никакие беззакония самодержца с рассудком затуманенным с ними не сравнятся. Власть одного человека бывает страшной и лютой, но власть толпы – в тысячу раз лютее...

Митрополит замолчал, скорбно поникнув головой. Было видно, что эти рассуждения, коими он спасал людей многих, но и отдавал на закланье скольких-то невинных, невероятной тяжестью ложились на его пастырское сердце. Затем он поднял глаза, положил руку на плечо сотника:

– Присаживайся, сыне, выслушай мою просьбу, с которой обращаюсь я к вам, лесным витязям, чуждым страха и корысти.

Они сели на лавки возле простого деревянного стола.

– Среди множества прегрешений самодержца нашего есть и грех сластолюбия. Схоронив-спровадив трех жен, требует он разрешения церковного на четвертый брак. Это против законов божеских и человеческих. Я, долг свой исполняя, буду греху препятствовать, но не послушает он меня и поступит по-своему. Дело, однако ж, не в самом браке. На сей раз царь наш собирается свататься к заморской королеве – Елизавете Английской. Вероятнее всего, затея эта пустая, и в конце концов он найдет жену поближе. Но сейчас Иван Васильевич сватовство готовит со всем усердием и размахом царским. И подарок будущей невесте он замыслил сделать воистину бесценный.

Злато-серебро, каменья и меха, вычурным искусством мастеров приукрашенные, – этого добра и у самой Елизаветы хватает. Но есть на Руси сокровище, доставшееся нам от древней Византии, бабкой Ивана Васильевича, царевной Софьей Палеолог привезенное и уже в самой России трудами мужей просвещенных приумноженное. Вижу, ты уже догадался, сыне. Да, речь идет о библиотеке царской. Душа народа, корни нашей веры греческой, жития святых князей доблестных, история родов славных – вся мудрость многовековая заключена в этих книгах. Это опора духовности нашей, коей мы и от Запада, и от Востока отличаемся. Только одно лишь «Слово о полку Игореве» всю боль и геройство народную выразило так ярко, что будет оно освещать путь и согревать сердца сотням поколений будущих. Нет доселе в книгах ничего равного, кроме «Илиады» и «Одиссеи» греков древних.

Давно уже иезуиты западные на нашу библиотеку зарятся. Понимают они, что, отняв у народа память историческую, можно его с пути истинного легко столкнуть, покорить и обесчестить, превратить в стадо скотов бессмысленных. Легко рассуждать о варварстве народа, когда нет у него письменных свидетельств истории славной. Больно мне, что и царь наш, ослепленный ненавистью к боярам, также хочет их корней исторических лишить. Отняв честь у родов знатных, столетиями служивших торжеству и мощи государства, вычеркнув из их памяти деяния предков доблестных, легко людей ломать, превращать их в рабов безропотных. Может быть, не только ослепление страстью похотливой, но и холодный расчет, на изничтожение знатных родов направленный, заставляет царя передать Западу бесценное достояние народа русского.

– Понимаю, отче. И готов все, что прикажешь, выполнить для спасения чести и памяти Руси-матушки.

– Задача твоя – вывозу библиотеки на Запад воспрепятствовать и доставить ее тайно в монастырь ваш северный. Сделать это нелегко. Где сейчас библиотека – мне неизвестно. Якобы опасаясь врагов внутренних, царь запрятал ее в одном из подземелий кремлевских. Думаю я, что сделал он это с расчетом: никто библиотеки давно не видел, и, когда ее в Англию повезут, узнать невозможно будет, поскольку она сейчас уже с глаз людских исчезла. Все-таки остерегается еще Иван Васильевич в открытую духовное наследие всея Руси разбазаривать. А так – то ли библиотека в подземелье, то ли еще где – никому не известно, и соблазнов лишних для брожения умов нет. Вот что я хотел тебе сказать, витязь. Теперь спрашивай, коли что неясно.

Дымок задумался, пытаясь покороче сформулировать множество вопросов к митрополиту, так как понимал, что время встречи ограничено.

– Во-первых, отче, я хотел бы знать, что ты думаешь о нашем вызове в Москву и порученной нам службе: зачем это опричникам понадобилось? После твоего рассказа мне совершенно ясно, что отнюдь не о благополучии населения и благоустройстве государства они пекутся.

– Не знаю, сыне, – покачал головой Филипп. – Ведаю только, что считают они Ропшу-боярина да дружину его людьми слабыми и недалекими. Зачем подставили они вас под разбойный люд – сами догадывайтесь. Могу лишь предположить, что им зачем-то очень надо показать силу и многочисленность разбойников в России, и что, дескать, даже боярское ополчение на них подняли, а справиться не можем.

– Ну, уж воровства и разбою-то на Руси и так немерено, чего там преувеличивать-то? – задумчиво произнес Дымок. – Теперь второй вопрос, опять-таки по разбойникам. Показалось нам за неделю службы, что ватаги единой волей направляются. К тому же как-то узнают они о перемещениях наших, которые должны быть ведомы лишь начальникам стражи московской да главным охранникам персоны царской – Малюте и Басмановым. Может ли такое быть, отче, или людям моим померещилось?

– Да, такое быть может, хотя и не знаю я наверняка. Кое-кто в Москве вполголоса произносит имя Хлопуни – есть-де такой соколик, большинство ватаг московских и пригородных под свою руку собравший. И еще добавляют, совсем уж шепотом, что есть у него поддержка в самых верхах, опричь государя. Вполне допускаю, что это правда: иногда терзать народ свой самому

несподручно бывает, и нужен козел отпущения, на которого можно свалить все грехи, в том числе – собственные. Хотя вряд ли весь разбойный люд поголовно в одну ватагу объединен. Наверняка есть много мелких шаек, никак друг с другом не связанных. В последнее время множество людей дворовых от погубленных бояр, от семейных гнезд, опричниками разоренных, с отчаяния в леса дремучие да на дороги проезжие подались. Ежели вы Хлопуню-душегуба достанете и к ответу суровому призовете – благо сделаете. Ежели отчаявшихся людей остановите и простите – другое благо сотворите. Однако главная цель ваша – библиотека.

– Ясно, отче. Теперь вопрос по библиотеке. Кто может знать, где она хранится или когда ее за границу повезут? И как, по-твоему, лучше отбивать ее: при перевозке или непосредственно из хранилища тайного?

– Обо всем этом ведают, по моему разумению, лишь два-три человека, самых к царю близких. Ты их уже назвал: Малюта и Басмановы. На них и ищи выходы, причем лучше хитростью, нежели силой. Ну а как библиотеку найти и вызволить – в подземелье ли проникнуть, при вывозе перехватить – тебе, человеку воинскому, видней. Об одном лишь тебя прошу: блюди уважение не к человеку, но к сану царя русского, зерна смуты не посеи, мятущиеся души на бунт не сподвигни. Прими на это мое пастырское благословение.

Дымок встал, приложил правую руку к сердцу, склонил голову под благословение. Затем окинул долгим взглядом скромную келью, скупую озаренную огоньком свечи, посмотрел в глаза митрополиту, как бы стараясь почерпнуть частицу веры, терпения и мудрости у этого человека, запомнить навсегда слова, жесты и облик пастыря, уже приближающегося к незримой границе святости, четко, по-военному повернулся и вышел пружинистой беззвучной походкой, как уходит пешая разведка ночной порой в неприятельский стан, где ждет ее то ли незаметная слава, то ли безвестная смерть.

Успехи леших в деле борьбы с мелкими шайками, оцениваемые и командирами, и рядовыми бойцами весьма скептически, все же дали некий результат. Правда, сами лешие о нем пока не догадывались. Когда хитроумные Басмановы вызвали в стольный град потомственных придурков с севера с целью последующего распространения среди широких масс иноземцев легенды о внутренней угрозе царю-батюшке, они не рассчитывали, что за одну-две недели

дружинники Ропши накрепко прижмут всю местную шелупонь, а сами не получат при этом ни единой царапины. Данные обстоятельства грозили провалить всю затею. Поэтому Басмановы срочно собрали в своей московской усадьбе небольшое количество ближайших соратников, посвященных в их замысел.

В обширной палате, предназначенной для веселых пиров в узком кругу, собралось около двух десятков опричников. Сейчас на длинном дубовом столе не было особых угощений, а стояли лишь скромные заправки да заедки (впрочем, иной немецкий князь с радостью пировал бы этими заедками дня два вместе с чадами и домочадцами). Выпив для проформы по ковшу медовухи и лениво закусив кто рябчиком с чесночком, кто поросеночком с хреном, опричники слушали Басманова-старшего, в речи которого не было особой тревоги, но содержалась некая легкая озабоченность.

– Братья-опричники, дело, государем нам порученное, пока не тем боком выходит. Ропшины дружинники, над коими мы с вами вдоволь похихикали, без особого труда и без потерь придавили множество шаек в Москве и в округе. Что ж они после этого рассказывать станут в заморских странах? Хочу услышать ваши соображения: отчего сия ерунда получается? Давай-ка, свет-Егорушка, с тебя начнем спрашивать, поскольку ты их первый возле столицы встретил, – обратился Басманов к белокурому красавчику, сидевшему в томной позе и небрежно поигрывавшему тяжелым золотым кубком.

Красавчик поставил кубок, выпрямился, наморщил лоб, что, по-видимому, должно было обозначать усердную мыслительную деятельность.

– Я думаю, что они сталкивались исключительно с сиволапым мужичьем, годным лишь пугать робких горожан да толстых купцов темной ночью. – Он вспомнил слова Разика, сказанные в придорожном кабаке, и добавил: – Вот если бы на них навалились настоящие соколики, тогда оно, конечно...

Довольный своей речью, красавчик обвел гордым взглядом всех присутствующих. Опричники одобрительно загудели, согласно закивали головами.

– Может быть, ты и прав, Егорушка, – произнес Басманов после некоторого раздумья. – Действительно, серьезные люди пока что стороной обходили их

заставы и дозоры, с нашей помощью. Ну да ладно, чтоб не все коту была масленица, устроим поморам-молодцам Великий Пост. Они слова иноземные любят произносить, а по-англицки, слышал я, вроде бы застава так и называется – пост. Вот пусть и попостятся они на своем посту-заставе до смертного голода...

Он хищно усмехнулся, его пухлые губы растянулись в ядовитой улыбке, не сулившей ничего хорошего вольным или невольным нарушителям его замыслов.

– Ладно, братие, велю накрывать на стол: пришло время попить по-настоящему. А сам пока схожу к Малюте. – Он сделал небольшую паузу и с особой интонацией, хорошо понятной присутствующим, произнес: – Посоветуюсь...

Хотя уже перевалило за полночь, небо было по-летнему довольно светлым, а ветерок с окрестных лугов мягко веял теплом и сладким медовым запахом. Они сидели втроем на лавочке под яблонями, по-детски болтали ногами, разговаривали обо всем и ни о чем, часто и весело смеялись по, казалось бы, пустячным поводам. Михась считался раненым, хотя бок у него уже практически зажил, Разик был десятник и мог иметь собственный распорядок, а Катька, как девица, не подчинялась в полной мере общим правилам. Поэтому они сейчас не отдыхали вместе со всеми в блокаузах, а, тихонько выскользнув в обширный сад, вот уже который час наслаждались летней ночью, молодостью и вообще всем окружающим их миром.

Последнюю неделю Катька, переодеваясь крестьянкой или дворовой девкой, время от времени ходила в город с особниками, осуществлявшими какие-то свои разведывательные дела, в суть которых ее, естественно, не посвящали. Сшибок, слава Богу, пока не случалось, но происходило достаточное количество смешных или просто любопытных вещей, о которых стоило рассказать братцу и его другу. Это было естественно: когда по городу привычной дорогой на базар идет за покупками реальная девка-служанка, она получает совсем не те впечатления, что переодетая разведчица. Катьке все вокруг казалось таинственным, полным скрытой опасности и особого смысла. К тому же ей, как и любому свежепроизведенному в бойцы мальку, не терпелось подраться. Очевидно, что такая оружейная новинка, как пистоль, уже сама по себе произвела бы в Москве фурор, ну а уж пистоль, выхваченный из-под юбки... – просто нет слов, до чего Катьке хотелось подраться! (Кирилл, усмехаясь в бороду, предупреждал

Фрола – особника, старшего в разведдвойке: «Ты Катерину-то придерживай, она ведь вся в брата, такая же художница. Хлебом не корми – дай руками-ногами помахать, оружием побренчать поэффектней! Но девчонка она умная, в нашем деле, пожалуй, больших успехов достигнуть способна, так что учи и воспитывай ее как следует». Катка об этом разговоре не знала, но дисциплинированно выполняла строгое указание Фрола: ни в коем случае не раскрывать себя.

– Вот садимся мы с Фролом на окраине базара полдничать, – посмеиваясь, рассказывала Катка. – Там бревнышко, колода такая удобная, уголок тихий и не грязный, и площадь видно хорошо. Тряпицу чистую постелили, достали припасы, закусываем, наблюдаем (наблюдал, естественно Фрол, а не посвященная в задание Катка просто глазела по сторонам). И тут рядом с нами плюхается на бревно толстенная бабища, закрывает весь обзор, да еще разворачивает грязнящий узел, извлекает из него нечто вонючее и противное, начинает это с чавканьем пожирать, брызгая слюнями. У нас всякая охота к приему пищи проходит напрочь. Фрол даже слегка растерялся: одеты мы крестьянами, прикрикнуть на бабу – бесполезно, не слушает. Ну не вступать же с ней в рукопашную схватку! Кстати, исход был бы еще не ясен: ни я, ни Фрол работать с такими противниками не обучены. Боюсь, она бы нас еще и завалила – такая здоровущая, просто страх! Все болевые точки надежно защищены жировой прослойкой! – по-детски жестоко посмеивалась юная стройная Катка. – Ну, надо что-то делать. Фрол аж жевать перестал. Тут я на него взглянула сочувственно, и грубым таким жалостливым голосом говорю: «Ешь, ешь, Фролушка! В остроге-то, небось, разносолов не давали! Вас, душегубов, там не жалуют, не то, что простых воров!» Фрол тут же понял и со зверской ухмылочкой отвечает: «Да уж, натерпелся в кандалах-то! Ну, ничего, найду на ком душу отвести!» До бабы с задержкой, но дошло: она бедная аж подавилась, рот разинула, икнула и так, с открытым ртом, – узел в охапку, и рванула прочь. Даже ты, Михась, ее не догнал бы на состязательной версте!

Все весело захохотали, от избытка чувств Разик даже откинулся на спину, мягко соскользнул с невысокой лавочки и растянулся в густой траве. В обществе Катки он испытывал безотчетное счастье, слушая ее голос, с умилением следя за ее изящными движениями или любясь завитком светлых волос, случайно выбившимся из-под берета и чуть прикрывшим маленькое розовое ушко. Он лежал, широко раскинув руки, радостно смеялся, глядя в вечернее небо, на котором едва угадывались только наиболее яркие звезды. Он привычно определил расположение основных ориентиров и с некоторым удивлением отметил, что с той стороны, где лежала ночная Москва, над горизонтом быстро возшли две необычайно крупные звездочки желтого и зеленого цвета. На его

лице еще играла счастливая улыбка, и сознание, казалось, было заполнено одним лишь милым образом сидящей рядом и звонко смеющейся девушки, но десятник, легко подбросив тренированное тело, вскочил и устремился в сторону конюшен, крикнув на ходу друзьям: «Четвертая застава просит помощи!»

Почти в ту же секунду на наблюдательной вышке коротко пропела труба, выдав понятный лишь лешим тревожный сигнал.

Когда порох стал известен европейцам, они, в отличие от китайцев, начали сразу применять его не для баловства, а для военного дела. Но через некоторое время дошла очередь и до баловства, и на всевозможных празднествах в европейских столицах стало модным жечь фейерверки и пускать ракеты для увеселения публики, как это давным-давно уже делалось в далекой китайской империи. Искусство составлять и запускать разноцветные ракеты было быстро перенято и отчасти усовершенствовано в тайном воинском Лесном Стане, но не с целью праздного развлечения, а для подачи соответствующих сигналов. И теперь каждая застава была снабжена набором ракет определенных цветов, и для передачи условного сообщения основным силам они могли быть запущены почти мгновенно.

Ракеты, замеченные Разиком и часовыми на наблюдательной вышке, означали, что четвертая московская застава леших ведет тяжелый неравный бой и нуждается в немедленной помощи. Когда Разик добежал до конюшен, дежурная полусотня широким галопом уже вылетала за ворота на московскую дорогу. По боевому расписанию Разик должен был привести свой десяток, входивший в состав отдохавшей сотни, в полную боевую готовность. Если отправленного резерва не хватит, то, чтобы исправить положение, в бой будут введены дополнительные силы леших. Когда он достиг места сбора, коней уже вывели из конюшен и построили в колонну в обширном дворе усадьбы. Боец, замещавший Михася в должности головного, привел десяток и, как положено, принес амуницию и вооружение командира, вывел его скакуна. Разик благодарно кивнул, накинул и затянул плечевые и поясные ремни портупеи, подсумков и кобур, принял у бойца поводья.

Спешенные лешие первой сотни в полном вооружении напряженно вглядывались в ночное небо в той стороне, где сейчас шел бой, пока лично возглавивший резерв Дымок, понимавший их состояние, не подал команду: «Всем сесть и расслабиться! Ждать сигнала трубы с наблюдательной вышки!» – и первый опустился на утопанную, еще теплую землю у ног своего

коня, не выпуская из рук поводьев.

Четвертая застава – десяток леших из третьей сотни под командой уже немолодого и достаточно опытного десятника Клони – несла в эту ночь службу, расположившись на небольшой площади, или, вернее сказать, пустыре, куда сходились три улицы, одна из которых вела в плотницкую слободку. Улицы были перекрыты рогатками, образовавшими треугольник, внутри которого горели костры, освещавшие подходы, но отгороженные с внутренней стороны переносными деревянными щитами, за которыми, невидимые для наблюдателя снаружи, располагались основные силы: десятник и четверо леших. Трое бойцов были в секретах, то есть притаились в темноте улиц в нескольких десятках саженей впереди заставы. Двое, находясь на виду у вероятного противника, непрерывно передвигались за рогатками вдоль линии костров, держа на изготовку ружья с кремневыми замками.

Боевое столкновение началось одновременно во всех трех улицах и происходило везде практически одинаково, потому что нападавшие действовали с обговоренным заранее единообразием, а лешие – давно отработанными оптимальными приемами. В ночной тишине на высокой ноте завывала собака (очевидно, это был сигнал), и три плотные колонны начали выдвигаться на заставу. Каждый из бойцов, находящихся в секретах, вскоре заметил это движение и мгновенно оценил нападение как в высшей степени опасное: об этом говорила и численность нападавших – не меньше полусотни с каждой стороны, и целеустремленная слаженность почти бесшумного их движения, и, главное, – еле заметное тление ружейных фитилей, огоньки которых как ни старайся прикрыть от постороннего наблюдателя, все равно так или иначе мелькнут в ночной темноте. Дальнейшие действия леших в точности соответствовали степени опасности: они применили по численно превосходящему противнику наиболее эффективное в данной ситуации и наиболее мощное из имевшихся у них средств – ручные бомбы – и отступили к заставе.

Взрывы бомб, почти одновременно грохнувшие с трех сторон, сразу же дали понять Клоне и бойцам, находящимся за рогатками, что дело предстоит серьезное. Из черных проемов улиц, на мгновение озаренных яркими вспышками взрывов, выскочили бойцы, стремительными кувырками перелетели через рогатки, присоединились к своим и почти хором доложили: «Больше полусотни, с ружьями, строй плотный, правильный».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/alekseev_ivan/zapadnya-dlya-leshih

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)